

ГЛАВА 4. РЕШЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ЛЕНФРОНТОМ О ВЫВОДЕ 2-Й УДАРНОЙ АРМИИ ИЗ "МЕШКА" И ПЛАН АРМИИ НА ЕЁ ВЫВОД

Ещё при назначении генерала М.С. Хозина командующим объединённого Ленинградского фронта 21 апреля 1942 г. он получил в Ставке ВГК устное указание о подготовке вывода войск 2-й ударной армии из района опасного возможным окружением на более выгодные оборонительные позиции. Сейчас можно предположить, что Генштаб, зная свои возможности, не рассчитывал на оказание помощи в достаточных размерах в короткое время, и поэтому было дано такое устное указание.

К 10 мая 1942 года командование Ленинградского фронта с задержкой примерно в 20 дней, наконец-то, пришло к выводу о необходимости отвести войска 2-й ударной армии из "мешка" на более выгодный рубеж, чтобы не допустить их окружения.

11 мая 1942 года генерал М.С. Хозин представил Верховному Главнокомандующему доклад о положении войск фронта и плане проведения операции по улучшению оперативного положения 2-й ударной армии. В нём подробно разобрано положение на фронте Любанской операции. Ниже приводится полное изложение этого доклада.

" 11 мая 1942 г. 22 ч.00 мин.

1. С середины марта 2-я ударная армия и войска 59-й и 52-й армий, расположенные западнее р. Глушица, испытывают большие трудности в продовольственном и материально-техническом обеспечении. Вся эта группировка общей численностью до 62 382 человек базируется на единственную дорогу, пролегающую в узком коридоре шириной 3 км между отм. 40,3 и просекой, что 1 км севернее отметки 43,1. Этот коридор находится под постоянным миномётным обстрелом и ударами авиации. Постройка в этом коридоре узкоколейки Мясной Бор, Новая Кереть не обеспечивает устойчивого подвоза, так как узкоколейка регулярно выводится из строя наземным огнём и бомбометанием с воздуха.

2. Противник за последние полтора месяца усилил свои группировки, нависающие над путём подвоза 2-й уд. армии с севера и с юга. Не подлежит сомнению, что противник ведёт подготовку к соединению своих чу-

довской и новгородской группировок в районе Мясной Бор с целью окружения 2-й уд. армии и других войск, действующих западнее р. Глушица.

3. Операция 59-й армии по ликвидации противника, угрожающего коммуникациям 2 А с севера (из района лесов западнее Мостки), проводившаяся в апреле и в мае, поставленных задач не разрешила. В этих операциях противник, хотя и понёс большие потери в людях и материальной части, но удержал за собой занимаемые позиции. Основная причина неудачного развития операций 59-й армии – это отсутствие резервов для развития успеха в ходе операции, когда противник, используя дорожные преимущества для маневра, успевал подбросить свежие силы за счёт других участков Ленинградского фронта. В мае месяце противник перебросил почти полностью 121 пд и часть 61 пд. Исключительно неблагоприятно сказывается на ходе операции также отсутствие истребительной авиации для прикрытия войск в то время, как противник сосредоточивает на небольшой площадке поля боя (2 кв. км) до 200 самолёто-вылетов в день, действуя группами по 15-20 самолётов, непрерывно сковывает действия наших войск, обеспечивая этим и оборону и контратаку своих наземных войск.

4. К 11 мая в результате контрнаступления против южной группировки 59-й армии противник почти полностью восстановил своё положение, чем вновь поставил под угрозу коммуникации 2-й ударной армии.

5. В сложившейся на сегодня обстановке на стыке 59-й и 52-й армий дальнейшее ведение операций 2-й уд. армии на фронте Кривино, Коровий Ручей, Красная Горка, Большое Еглино, Конечки, Филипповичи, а также войск 59-й и 52-й армий в районах Ольховские, Пятилипы, Большое Замощье является мероприятием крайне рискованным и по своей необеспеченности стыка крайне опасным. Только при условии расширения коридора до пределов, как минимум Спасская Полисть, Замощьцы (так в тексте данном в книге "Ленинград выстоял и победил" – вероятнее всего это Земтицы. – Примечание автора), можно считать обеспеченным тыл 2-й уд. армии и других войск 59-й и 52-й армий.

Поэтому я ставлю вопрос прямо – либо мы создаём группировку, достаточно сильную для разгрома противника в районе юго-западнее Спасская Полисть, и тем самым сохраняем выгодное оперативное положе-

ние 2-й уд. армии для последующего проведения Любанской операции, либо мы вынужденно уступаем противнику захваченную территорию и, сохраняя войска, отводим 2-ю уд. армию и часть сил 52-й и 59-й армий на фронт Ольховка, Новая Кереть, Большое Замошье и, сократив линию фронта, выделяем дополнительно силы для наступления с рубежа р. Глушица на восток (на Спасская Полисть) и, прочно обеспечив позиции, прикрывающие коммуникации 2-й уд. армии с севера, выделить часть сил для усиления 52-й армии. При таком вынужденном развитии операции часть сил 2-й уд. и 59-й армий будет выведена восточнее рубежа р. Полисть.

б. Военный Совет фронта считает, что должны быть приняты все меры к тому, чтобы сохранить оперативное положение 2-й ударной армии, для чего необходимо:

а) усилить позиции прикрытия коммуникаций 2-й уд. армии. Это может быть сделано за счёт немедленного пополнения 372 сд и вывода 13 кк в резерв в район коридора Любино Поле, Мясной Бор, отм. 40,5 и 267 сд в район юго-западнее отм. 40,3;

б) возможно скорее организовать новую операцию по ликвидации противника, угрожающего коммуникациям 2-й армии с севера. Эту операцию проводить достаточными силами при глубоком их эшелонировании с оставлением резерва для развития успеха. Операция должна быть обеспечена надёжным прикрытием с воздуха, массированным применением танков и артиллерийско-миномётного огня.

Для этой операции фронт может развернуть на участке Спасская Полисть, Мостки в нескольких эшелонах 2, 165, 376, 191, 276, 378, 4 гв и частично 374 сд, 24 и 58-ю стр. бригады и 7-ю и 29-ю танковые бригады при условии их срочного пополнения людьми и материальной частью. Учитывая, что в данной обстановке нанесение одновременного удара с запада является невозможным и по причинам необеспеченности боеприпасами, на р. Глушица и в районе Ольховские будут оставлены только две дивизии (24 гв. и 259) для сковывания противника на этих направлениях.

Прошу: 1. Утвердить представленный план действий.

2. В срочном порядке дать на усиление фронта минимум 100 танков, три истребительных и два бомбардировочных авиаполка.

3. Удовлетворить ходатайство Военсовета о срочной присылке пополнения в количестве, изложенном в докладе.

№ 00689

Хозин
Тюркин
Стельмах» [31]

Представив этот доклад в Ставку ВГК и не ожидая ответа, т.к. принципиальное согласие Ставки ему уже было известно заранее, М.С. Хозин 12 мая 1942 г. вызвал в штаб волховской группы войск Ленинградского фронта в Малую Вишеру командующего, члена Военного совета и начальника штаба 2-й ударной армии. На следующий день на совещании, которое вёл генерал-лейтенант М.С. Хозин, был заслушан доклад командарма. Затем командование армии было ознакомлено с директивой командующего войсками Ленинградского фронта, подписанной накануне 12 мая, об отводе армии на новый оборонительный рубеж.

Командованию армии было предложено готовиться к отходу на новый рубеж обороны: Ольховские, р. Рогавка, оз. Тигода; через промежуточные рубежи. Копия этой директивы была направлена начальнику Генерального штаба Красной армии в дополнение к представленному туда 11 мая докладу. Ниже приводится текст этой директивы:

**"ДИРЕКТИВА КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА КОМАНДУЮЩЕМУ 2-й УДАР-
НОЙ АРМИИ ОБ ОТВОДЕ АРМИИ НА НОВЫЙ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ
РУБЕЖ**

Копия: НАЧАЛЬНИКУ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АР-
МИИ

12 мая 1942 г. 20 ч. 50 мин.

В целях выделения из состава 2-й ударной армии дополнительных сил для разгрома противника, угрожающего с севера коммуникациям 2-й

ударной армии, и последующего развития успеха в совместно с 59-й армией в направлении Спасская Полисть, Чудово.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. 2-й ударной армии последовательно вывести войска на рубеж Ольховские, р. Рогавка, оз. Тигода и занять этот рубеж для упорной обороны силами двух сд и двух стрелковых бригад. Особое внимание – направлению Ольховские.

К инженерной подготовке этого рубежа приступить немедленно. Остальные силы армии в составе двух сд и четырёх бригад с двумя полками АРГК в районе Кречно отм. 43,7, отм. 39,8 с целью последующего наступления с рубежа 39,8; 40,3 в направлении Лесопункт.

2. Вывод войск армии на новый рубеж начать по приказу-сигналу "Вперёд" и осуществлять с соблюдением следующих требований:

а) основной рубеж должен быть заблаговременно занят отрядами прикрытия;

б) в первую очередь отводить войска с участка Червинская Лука, Коровий Ручей, Красная Горка, Верховье, Конечки, Веретье на промежуточный рубеж Червинская Лука, ст. Радофиниково, болото Полосатый Мох. В дальнейшем предусмотреть вывод всех сил армии на промежуточный рубеж Кривино, Панежно, Язвинка. С выходом на этот промежуточный рубеж должны быть выделены две сд и две бригады для занятия основного рубежа обороны;

в) выход войск с ныне занимаемого рубежа провести скрытно для противника, оставив на позициях отряды прикрытия, усиленные автоматическим оружием и средствами противотанковой обороны;

г) по мере отвода войск создать противопехотные и противотанковые заграждения на всех маршрутах, существующие и вновь построенные дороги, мосты, гати привести в негодность.

3. Не ожидая приказа об отводе войск на новый рубеж, с получением сего приступить к выводу в районы Александровская Колония 1-я, Горелово, Оттенский армейских тыловых частей и учреждений, а также излишествовавшего войскового обоза, оставив при войсках только то, что строго необходимо при существующей численности войсковых соединений.

Для обеспечения прохода тылов по маршруту Новая Кересть, Мясной Бор немедленно передать в распоряжение начальника тыла фронта два сапёрных батальона.

4. Иметь в виду, что с выходом на новый рубеж обороны в состав 2-й ударной армии будут включены все войска 59-й армии, действующие на рубеже р. Глушица, и 19 гв сд 52-й армии.

5. Получение подтвердить, план действий представить нарочным к 24.00 14.5.1942.

Командующий войсками Ленинградского фронта
генерал-лейтенант Хозин
бригадный комиссар Тюркин
бригадный комиссар Кочетков
Начальник штаба фронта
генерал-майор Стельмах» [32].

Следует отметить, что как раз в это время вмешались силы природы. Прошедшие дожди окончательно испортили и до того плохие дороги. Необходимо было их привести в порядок, а на некоторых направлениях построить заново. Исходя из складывающейся обстановки, член Военного совета 2-й ударной армии дивизионный комиссар И.В. Зуев, выступая на совещании сказал: "Надо строить транспортную дорогу от Финева Луга до



Строительство дорог на Волховском фронте

Новой Керести. Будем тянуть её через Кересть Глухую. От Кречно до Мясного Бора худо-бедно, а какой-то путь имеем. Только вот внутри оперативного района, собственно мешка, в котором мы сидим, любая переброска войск, диктуемая обстановкой, – проблема. Наличие транспортных связей развяжет нам хоть в какой-то степени руки".

Дивизионный комиссар И.В. Зуев понимал значение дорог в последующих боевых действиях армии, а не только говорил об этом. Его офицер по особым поручениям Я.С. Бобков в своих воспоминаниях "Слово о комиссаре" пишет: "13 мая И.В. Зуев вылетел в Малую Вишеру к командующему Волховской группой [войск] Ленинградского фронта. Вернулся оттуда рано утром 14 мая. Сообщил, что принято решение об отводе войск 2-й ударной армии на восточный берег Волхова.

Сразу началось строительство промежуточного оборонительного рубежа и бревенчатой дороги в сторону Мясного Бора. Её трасса проходила по лесам и болотам. Вновь наступили бессонные ночи для Ивана Васильевича. Строительство дороги он держал под неусыпным контролем". [33].

Исходя из реальных событий, происходивших на фронте Волховской группы войск, вполне правомерны приведённые писателем С. Гагариным в его романе «Мясной Бор» слова М.С. Хозина в заключение совещания:

"Ставка Верховного Главнокомандования о нашем решении знает, но план этот пока ею не утверждён. К сожалению, 59-я армия не в состоянии потеснить противника в районе Спасской Полисти. Немец ожесточённо отбивает наши атаки, подтягивает резервы. Мы надеемся, что противник не догадается о нашем решении сократить линию обороны 2-й ударной. Значит, нам необходимо сохранить их уверенность в том, что войска Волховской группы будут укреплять транспортные коммуникации, связь с вашей зоной за счёт расширения горловины прорыва 59-й армии с востока. Одновременно продолжать отражать натиск немцев из района Новгорода и Подберезья. Тут вся ответственность ложится на 52-ю армию. А 54-я армия, которую принял генерал Сухомлин, будет продолжать наступление на Любань в районе Погостья. Таким образом, совместными усилиями мы обязаны прорвать фронт германских войск».

Хозин в статье "Об одной малоисследованной операции" пишет: "Основным рубежом, который надо было занять и прочно удерживать до тех пор, пока ударные группировки 2-й ударной армии и 59-й армии пробьют бреши и соединятся между собой, должен быть рубеж река Равань, Вдицко, станция Рогавка, озеро Тигода. Убедившись, что начальник штаба

и член Военного совета 2-й ударной армии поняли замысел отхода и вывода из окружения, мы отпустили их, и они на самолёте вылетели в армию". [34].

При подписании данной директивы Хозин уже пришёл к выводу о необходимости изменения своего первоначального решения от 2 мая 1942 г. (смотри доклад командующего Ленфронтом Верховному Главнокомандующему по ведению наступательных операций Волховской группой войск) о выводе для пополнения людьми и вооружением 13-го кав. корпуса в район Поддубье, Финёв Луг, Вдицко. Вместо этого он решает немедленно начать вывод из мешка 13-го кавкорпуса, четырёх стрелковых дивизий и 7-й отдельной гвардейской танковой бригады. Это решение вписывалось в дальнейшие планы генерала Хозина, изложенные им в предложениях, представленных в Ставку ВГК 19.05. 1942 г. по дальнейшему ведению операций Волховской группой войск.

Возможно, что несколько раньше им было принято решение о постепенном освобождении мешка. Начало отвода было отмечено с утра 11-го мая 1942 г. Бывший секретарь редакции армейской газеты «Отвага» полковник в отставке В.А. Кузнецов в очерке «Начало пути» написал: «11-го мая. В районе Мясной Бор бой не ослабевает ни на минуту... Многие части [так в тексте. – Прим. автора.] уводятся со своих позиций. Начинается эвакуация немногочисленного гражданского населения. Жители пойдут пешком, захватив с собой лишь ручную кладь. Всю домашнюю утварь они закапывают в землю. Итак эвакуация. Неужели готовится сдача всего участка, с таким трудом завоеванного зимой. [36].

Некоторые авторы пишут о том, что Ставка ВГК затянула решение вопроса об отводе 2-й ударной армии до 21 мая. В частности, и М.С. Хозин писал: «"Долгое время директива Ставки на вывод 2-й ударной армии к нам не поступала. Наконец, 21 мая в 17.20 она была получена». [34].

Директива Ставки ВГК от 21 мая 1942 г. являлась, фактически, ответом не на предложение об отводе 2-й ударной армии из полуокружения от 12 мая 1942 г., а на предложение командования Ленинградского фронта от 19 мая 1942 г. об определении новых оперативных задач Волховской группе войск. Военный совет фронта, считая отвод 2-й ударной армии уже свершившимся фактом, указывал на усиление противника на Мгинском

направлении. Поэтому в создавшихся условиях главное внимание должно быть уделено активному обеспечению обороны Ленинграда на мгинско-волховском направлении. На остальных направлениях Волховская группа войск переходит к обороне с целью удержания рубежа на р. Волхов». В связи с этим 8-я армия должна будет выполнять главную задачу.

«Усиление 8-й армии осуществить за счёт 54, 59 и 2-й ударной армий... 59-я армия будет составлять 2-й эшелон на направлении действий 8-й армии, для чего управление 59-й армии... перебрасывается в район Волховстрой (зап)». 4-й, 6-й гв. стрелковые и 13-й кав. корпус идут на усиление 8-й армии». Генерал Хозин в связи с этим просил Ставку ВГК утвердить этот план и разрешить немедленную переброску 13-го кав. корпуса в район Волховстроя (8-я армия) и полевого управления фронта в район Неболчи с выброской ВПУ на фронт 8-й армии. Для этого просил разрешения на железнодорожные перевозки с суточным темпом 5-6 поездов». [35].

Директива Ставки ВГК № 170406 от 21 мая 1942 г. не утвердила предложения Хозина от 19 мая 1942 г. о новом плане боевых действий Волховской группы войск, а приказала иметь иные задачи, в т.ч. сначала отвести войска 2-й ударной армии.

В действительности Ставка ВГК ещё в ночь на 14 мая 1942 г. в 02.ч. 50 мин. подтвердила решение фронта об отводе войск 2-й ударной армии, но не на указанный фронтом рубеж, так как этим «не устраняется угроза армейским коммуникациям в районе Мясного Бора». Ставка приказала отвести войска из «занимаемого района», при этом потребовала "организовать уничтожение противника в выступе Спасская Полисть одновременно ударом 2-й ударной с запада на восток и ударом 59-й армии с востока на запад". Далее приводится полное содержание этого документа.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 170379 КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА ОБ ОТВОДЕ 2-й УДАРНОЙ АРМИИ И ЕЕ ЗАДАЧАХ

14 мая 1942 г. 02 ч 50 мин

Отвод 2-й ударной армии на рубеж Ольховское, оз. Тигода не дает нам больших выгод, так как для удержания этого рубежа потребуется не менее четырех-пяти сд. Кроме того, с отводом армии на рубеж Ольховское,

оз. Тигода не устраняется угроза армейским коммуникациям в районе Мясного Бора.

В силу этого Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Отвести 2-ю уд. армию из занимаемого ею района и организовать уничтожение противника в выступе Приютино, Спасская Полисть одновременным ударом 2-й ударной армии с запада на восток и ударом 59-й армии с востока на запад.

2. По выполнении этой операции 2-й ударной армии сосредоточиться в районе иск. Спасская Полисть, Мясной Бор, с тем чтобы прочно закрепить за собой совместно с 59-й и 52-й армиями Ленинградскую железную дорогу и шоссе и плацдарм на западном берегу р. Волхов.

3. Получение подтвердить.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. Сталин
А. Василевский" [37].

Как видно из приведённой директивы, ставка ВГК через двое суток разрешила отвод 2-й ударной армии из мешка, но не на предложенный командующим Ленинградским фронтом рубеж, а значительно восточнее его.

События в Волховской группе войск Ленинградского фронта принимали драматический характер, что признал (это видно из сказанного выше) и штаб фронта. Командующий фронтом и так допустил некоторое промедление с принятием решения о выводе армии из мешка. Необходимо было срочно приступить в отводу войск после получения разрешения Ставки ВГК. По распоряжению Комфронтам был разработан план вывода войск армии. Начало отвода войск предполагалось примерно с 25 мая. Штаб армии разработал план по директиве фронта № 00120 от 13.5.42 г. и не мог учитывать требования Ставки. Разработанный план заканчивался выводом войск армии на Основной рубеж обороны Ольховка, р. Рогавка, оз. Тигода и в исходные районы для последующего наступления. Получившаяся задержка вывода армии позволила неприятелю принять дополнительные ответные меры.

Ниже приводится текст этого плана.

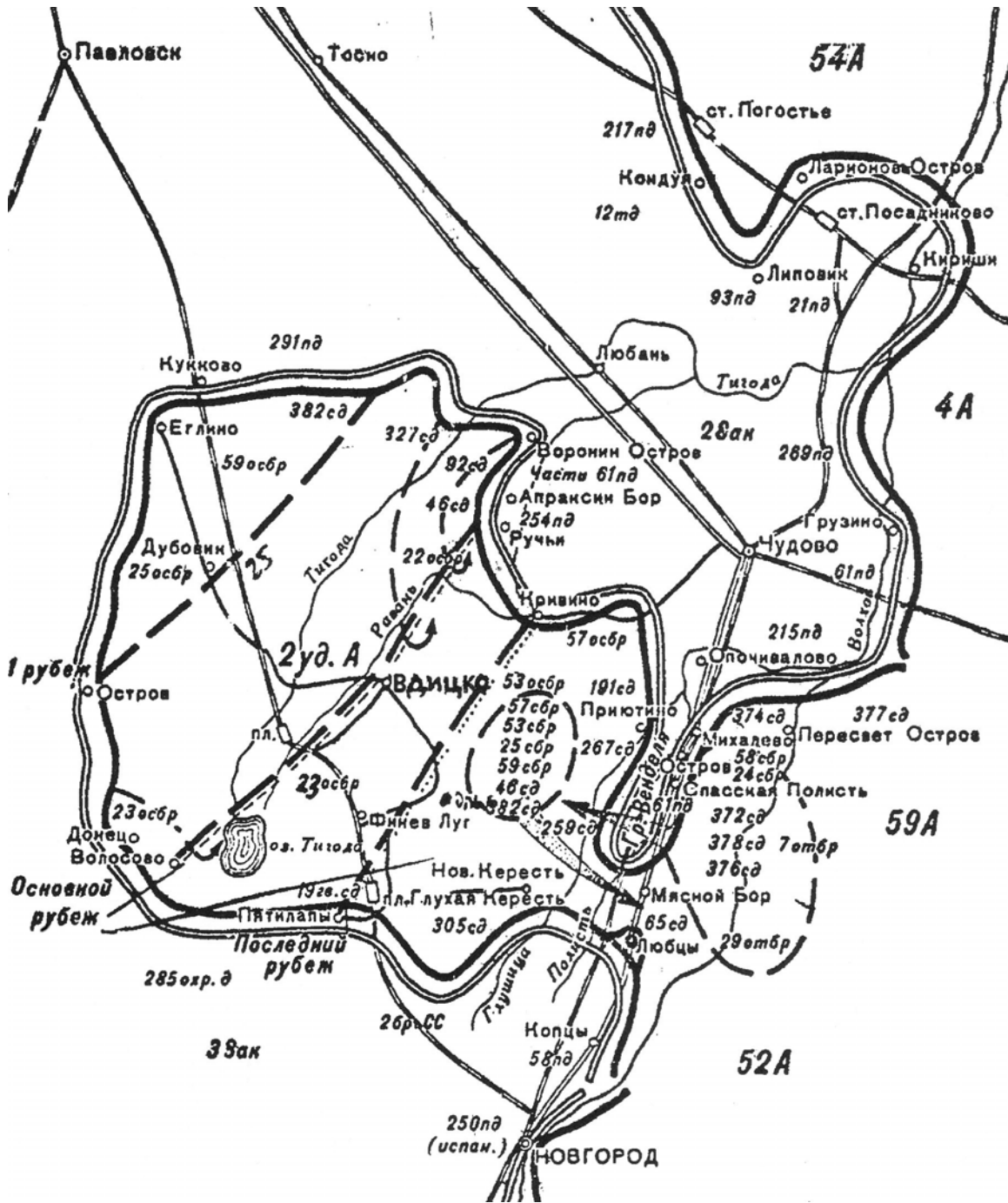


Схема к плану вывода из окружения 2-й ударной армии. 1942 г.

П Л А Н
ОТВОДА ВОЙСК 2-й УДАРНОЙ АРМИИ
от 15.5.1942.

Промежуточный рубеж № 1. Червинская Лука, отм. 70,3; Дубовик, болото Полосатый мох.

57 сбр – продолжает оборонять занимаемый рубеж, прикрывая направление Пятилипы, Кривно, Вдицко.

53 сбр – то же самое, прикрывая направление Ручьи, сараи, Вдицко. Граница слева (искл.) Ручьи, искл. отм. 45,3, САРАИ, САРАИ (3 км сев. Вдицко).

22 сбр – то же самое, оборонять занимаемый рубеж, прикрывая направление Ручьи, Панежно. Граница слева (искл.) Червинская Лука, искл. Тигода, Панежно, отм. 60,9.

46 стр. див. – в ночь на "Н" обеспечивает выход частей 92 сд за линию промежуточного рубежа № 1, после чего последовательно выводит 176 и 314 сп на промежуточный рубеж № 1, который и удерживает до особого распоряжения, имея 840 сп – в резерве в р-не Тигода на ранее подготовленных позициях. Граница слева – Сар. (2 км ю-в. Озерье), отм. 70,3, 66,0 (искл.) Огорели.

92 стр. див. – в начь на "Н", обеспечиваясь отрядами прикрытия и частями 46 стр. див., к рассвету сосредотачивается в р-не Панежно, Щелковка, откуда ночным маршем по маршруту Огорели, Вдицко, Бараки, Ольховка выходит в р-н леса южнее Ольховка, где создает оборону на основном рубеже согласно карты. С целью обеспечения наиболее угрожаемого направления: Кривно и Ручьи, Вдицко, Финев Луг. В зависимости от обстановки может быть временно задержана частью сил или в полном составе в р-не Вдицко в качестве армейского резерва.

327 стр. див. – в ночь на "Н", оставив один стрелковый полк в качестве прикрытия, остальными силами выходит на промежуточный рубеж № 1, который и удерживает до особого распоряжения. Отряд прикрытия (один СП), по выполнении своей задачи, не задерживаясь на промежуточном рубеже № 1, ночными маршами по маршруту Красная Горка, Озерье,

Горка, бараки Леспромхоза, Финев Луг выходит в р-н леса 2 км северо-восточнее Финев Луг, где подготавливает оборону на основном рубеже в полосе дивизии согласно карты.

382 стр. див. – оставаясь на месте, обеспечивает выход главных сил 327 сд на промежуточный рубеж № 1. После выхода 327 сд на промежуточный рубеж № 1 правогофланговый стрелковый полк дивизии, увязывая свои действия с отрядами прикрытия 327 сд, выходит одновременно с отрядом прикрытия 327 сд по маршруту Озерье, Горка. Остальные силы 382 сд – по маршруту р. Тосно, ст. Радофинниково, Горка, а далее по жел. дороге в р-не леса 2 км западнее Огорели, где создают оборону на промежуточном рубеже № 2, согласно карты, и удерживают его до особого распоряжения.

59 сбр – оставаясь на занимаемом рубеже, обеспечивает выход главных сил 25 стр. бригады на промежуточный рубеж № 1. Отвод главных сил с занимаемого рубежа начинает одновременно с 382 сд и 25 сбр. Выходит по маршруту Бол. Еглино, Дубовик, Горка, бараки Леспромхоза, где создаёт оборону на промежуточном рубеже № 2 согласно карты и удерживает его до особого распоряжения.

25 сбр – в ночь на "Н" обеспечиваясь отрядом прикрытия и частями 59 осбриг., не позднее рассвета выходит на промежуточный рубеж № 1, где создает оборону согласно карты и удерживает его до особого распоряжения.

23 сбр – 23 отд. стр. бригада продолжает оборонять занимаемый рубеж, прикрывая Оредежское направление.

Промежуточный рубеж № 2 – Кривино, отм. 40,6; 52,0, по восточному берегу болота Тушинский Мох, Язвинка.

57 с бриг. – Продолжает оборонять занимаемый рубеж с прежней задачей и в прежних границах.

53 с бриг. – Обеспечиваясь отрядом прикрытия, в ночь на «М» главными силами выходит на промежуточный рубеж № 2, на котором организует оборону и удерживает его в прежних границах до особого распоряжения.

22 с бриг. – Обеспечиваясь отрядом прикрытия, в ночь на "М" главными силами выходит на промежуточный рубеж № 2, на котором органи-

зует оборону и удерживает его в прежних границах до особого распоряжения.

46 стр. див. – В ночь на "М", обеспечиваясь отрядами прикрытия, 176 и 314 сп выводит на промежуточный рубеж № 2, на котором организует оборону и удерживает его в прежних границах до особого распоряжения. 840 сп – сосредотачивается в армейский резерв в р-не Вдицко.

92 стр. див. – продолжает укреплять оборону на основном рубеже.

327 стр. див. – двумя стрелковыми полками в ночь на «М» обеспечиваясь отрядами прикрытия, отходит на основной оборонительный рубеж по маршруту вдоль жел. дороги, не задерживаясь на промежуточном рубеже № 2. С прибытием в р-н Финёв Луг, создает оборону согласно карты.

382 стр. див. – Обороняя промежуточный рубеж № 2, в ночь на "М" пропускает через себя в полосе жел. дороги части 327 сд и 25 сбр, не допуская проникновения частей противника в полосу своей обороны вслед за частями 327 сд и 25 сбр.

25 с бриг. – В ночь на "М", обеспечиваясь отрядами прикрытия, отходит на основной рубеж обороны по маршруту Горка, Финёв Луг, Новая Кереть и сосредотачивается в исходном р-не для наступления согласно карты.

59 с бриг. – Продолжает оборонять промежуточный рубеж № 2. В ночь на "М" пропускает через себя в полосе дороги Язвинка - бараки Леспромхоза части 23 стр. бригады, не допуская проникновения пр-ка в полосу своей обороны вслед за частями 23 сбр.

23 с бриг. – В ночь на "М", обеспечиваясь отрядом прикрытия, отходит на промежуточный рубеж № 2 и, следуя по маршруту Пустое Рыдно – Язвинка, сосредоточивается в р-не Нивка и лес северо-восточн., откуда ночным маршем по маршруту бараки Леспромхоза – Вдицко выходит в р-н леса 8 км западнее Ольховка, где и занимает оборону согласно карты.

Основной рубеж обороны – Ольховка, р. Рогавка, оз. Тигода и исходные районы для наступления.

57, 53 и 22 сбр, 46 и 382 сд, 59 сбр. отходят с промежуточного рубежа № 2 только после того, когда 92 сд, 23 сбр и 327 сд закончат создание обороны на основном оборонительном рубеже, согласно карты.

Порядок отхода в ночь на "С", обеспечиваясь отрядами прикрытия и 840 сп, занимающим оборону в р-не Вдицко, все соединения с промежуточного рубежа № 2 начинают отход за основной рубеж обороны одновременно по маршрутам:

57 с брига. – Нов. Деревня, рубленый лес 3 км ю.-з. Нов. Деревня, просека лесн. дорога на Бараки и далее до ручья Дыренкова Канава, откуда выходит в армейский резерв в р - н леса юго-западн. Новая Кереть.

53 с брига. – Вдицко, лесн. дорога до отм. 50,9 и далее на юг по просеке до САРАИ, откуда вдоль узкоколейки Новая Кереть, р. Глушица выходит в исходный р-н для наступления (лес 1,5 км западнее отм. 40,3 у надписи р. Глушица).

22 с брига. – Щелковка, лесная дорога на Вдицко, Финёв Луг, Глухая Кереть, Новая Кереть выходит в исходный р-н для наступления лес сев. отм. 43,7.

46 стр. див. – Щелковка, Огорели, Вдицко, Финёв Луг, Глухая Кереть временно поступает в армейский резерв северо-восточнее Глухая Кереть с последующим выходом в исходный р-н для наступлению – лес в р-не отм. 40,9.

840 сп удерживает р-н Вдицко до пропуска всех частей 57, 53 и 22 сбр и 46 сд, после чего самостоятельно по приказу к-ра 46 сд отходит в р-н сосредоточения дивизии.

382 стр. див. – вдоль жел. дороги до ответвления узкоколейки и далее вдоль неё до Новой Керести, откуда выходит в исходный район для наступления в р-не Кречно.

59 сбрига. – Бараки Леспромхоза, вдоль жел. дор. до Глухой Керести и далее по грунтовой дороге до Новой Керести, откуда выходит в исходный район для наступления в районе лес северн. отм. 43,5.»[38]

Ниже приводится текст сопроводительного письма-доклада командоваия 2-й ударной армии командующему войсками Ленинградского фронта к представленному на утверждение плану вывода войск на промежуточный рубеж обороны и в исходный район для наступления.

КОМАНДУЮЩЕМУ ЛЕНИНГРАДСКИМ ФРОНТОМ

Представляю на утверждение план вывода войск 2-й Ударной армии на новый рубеж обороны и исходный район последующего наступления.

Докладываю:

1. Подготовка войск армии к выходу на промежуточные рубежи при условии своевременной подачи горючего для автотранспорта и тракторов будет закончена не ранее 23.5.42 г. К указанному сроку вся артиллерия соединений и АРГК, автотранспорт и тыловые части войск будут выведены на основной рубеж обороны.

2. Основным препятствием для своевременного вывода в районы на вост. берегу р. Волхов тыловых частей и учреждений армии, особенно автотранспорта и госпиталей с тяжело ранеными и матчасти – является отсутствие грунтовой дороги на участке Новая Кереть, Мясной Бор. Построить эту дорогу своими силами армия не может. Все армейские дорожно-эксплуатационные батальоны заняты на строительстве грунтовой дороги на участке Глухая Кереть, Новая Кереть и достройке узкоколейки, а саперные батальоны – оборудованием исходного рубежа обороны, приведением дорог в проезжее состояние для автогужтранспорта в войсковом тылу на основных направлениях и подготовкой их к разрушению.

3. Вывод артиллерии и тыловых частей войск за основной оборонительный рубеж армии начнётся в ночь на 16.5.42 г.

Прошу грунтовую дорогу на участке Новая Кереть, Мясной Бор построить средствами фронта к 23.5.42 г.

Приложение: План и карта 50.000

Ком. 2 Уд. армией

Член Воен. совета

Ген.- лейтенант

Див. комиссар

ВЛАСОВ

ЗУЕВ

Наштарм - 2

№ 00173

полковник

15.5.42 г.

ВИНОГРАДОВ» [39].

На документе имеется пометка: " Доклад НШ для командующего Хозина.

Докладываю – Указания даны работа развернута. / Подпись /

16.5.42 г."

Командование армии в этом документе опять обратило внимание штаба Ленинградского фронта на проблему отсутствия дорог. В связи с этим оно считало, что на восстановление дорог уйдёт не менее 10 дней. В плане, составленном штабом армии, предусматривался последовательный переход 2-й ударной армии через три оборонительных рубежа, всё ближе к горловине прорыва, откуда предстоял последний бросок через Мясной Бор.

Первый рубеж проходил по линии деревень Остров – Дубовик–Глубочка. Второй – у деревни Волосово, станции Рогавка, населённых пунктов Вдицко – Новая – Крапивно. Третий рубеж прикрывал направление Пятилипы – Глухая Кересть – Финёв Луг – Кривино. На первый рубеж отводили войска, глубже всех проникшие в оборону противника в северо-западном направлении: 382-ю дивизию, 59-ю и 25-ю бригады. Одновременно с ними, но сразу на второй рубеж отходили их непосредственные соседи, расположенные восточнее, на флангах прорыва: 46-я, 92-я и 327-я дивизии, 22-я и 23-я бригады.

Второй промежуточный рубеж не являлся главным в обеспечении выхода армии из окружения. Главным рубежом являлся по плану "основной рубеж обороны". Там предстояло занять жёсткую оборону и держаться, пока в Мясном Бору не будет пробит надёжный коридор. Оборона его возлагалась на 92-ю и 327-ю стрелковые дивизии и 23-ю стрелковую бригаду. Через основной рубеж должна была пройти первая отходившая группа частей, в том числе 46-я дивизия и 22-я бригада. Далее она должна следовать вместе с другими частями в тыл армии в район деревень Кречно, Ольховка и Малое Замошье.

По замыслу Военного совета Ленинградского фронта там 2-я ударная сосредотачивалась своей ударной группировкой для нанесения удара на восток с целью уничтожения противника в районе Приютино, Спасская Полисть. Это будет первый этап операции. Вторым этапом операции, как доносил в Ставку 15 мая 1942 г. № 00111 командующий Ленфронтом, будет выполнение конечной цели – «дальнейший вывод 2-й ударной армии, а также части сил 59-й и 52-й армий на рубеж, непосредственно обеспечивающий закрепление за ними Ленинградской железной дороги, шоссе и

плацдарма на западном берегу Волхова. Конкретный план действий по этому этапу будет представлен мною по мере уточнения обстановки». [40].

Внешне план был логичен и продуман, но жизнь внесла в него свои коррективы.

Рубежи обороны успели оборудовать во-время, в том числе и средствами связи. Бывший начальник связи 2-й ударной армии генерал-майор войск связи А. В. Афанасьев в своём донесении Военному совету Волховского фронта 26 июля 1942 года отмечал, что:

"Управление по всем рубежам было построено при наличии двух-трёх запасных командных пунктов. Последняя была двухпроводной системой, при наличии обходных линий, по фронту между с[трелковыми дивизиями] и бригадами. Это давало возможность командованию бесперебойно управлять войсками весь период выхода до р[еки] Полюсть. За это 52 связиста были награждены правительственными наградами". [41].

Подготовив по указанию штаба фронта план вывода войск 2-й ударной армии, командующий армией генерал-лейтенант Власов вызвал в штаб армии (он находился в то время в лесу у д. Ольховка) командиров и комиссаров всех соединений и частей.

Комиссар 59-й отд. стр. бригады старший батальонный комиссар И.Х. Венец в своих воспоминаниях написал: «Примерно в середине... мая вместе с командиром бригады Писаренко С.А. мы были вызваны на КП армии... Как оказалось, пригласили командиров и комиссаров всех соединений и частей на заседание Военного совета, на котором было объявлено о предстоящем выводе 2 УА за р. Волхов и представлен план отвода по времени, этапам и рубежам, были также установлены и сигналы, по которым он должен был начинаться. Для нашей бригады сигналами были пожар в деревне на рубеже соседа слева и одновременно условный сигнал по радиостанции, для чего она должна работать только на приём с определенного дня и часа, установленного планом. Кодовым радиосигналом для нашего отхода было выбрано слово «Вперед»». [42].

В то время, когда командование и штабные работники готовили документы и условия для вывода войск 2-й ударной армии, боевые действия продолжались своим чередом. Немцы не прекращали попыток забрасывать в наш войсковой тыл диверсионные группы.

В этом отношении показателен случай с нападением немцев на штаб 59-й отдельной стрелковой бригады. Через несколько дней после возвращения с совещания в штабе 2-й ударной армии командир бригады Писаренко и военком Венец, закончив работу на командном пункте своей бригады, решили отправиться в тыловые подразделения и службы бригады, расположенные в д. Дубовик, а затем в медсанроту в д. Горки. В путь они отправились вместе с ординарцами поздно вечером.

В эту ночь гитлеровцы решили через одну из брешей, в стыке с соседом по обороне, заслать группу в тыл и напасть на штаб бригады. Военком Венец по этому эпизоду в воспоминаниях писал:

«...неожиданно абсолютную ночную тишину нарушила сильная ружейно-автоматная стрельба. Сориентировавшись, мы определили, что стрельба идет не на переднем крае, а значительно ближе, где-то в районе нашего командного пункта. Попытка связаться с КП по телефону в те минуты не удалась, и мы что было мочи бежать туда. Стрельба через некоторое время начала стихать, а затем и вовсе прекратилась. Прибежав на КП, у взволнованного комиссара штаба Н. Есюткина мы узнали подробности происшедшего.

...С наступлением темного времени Есюткин вместе с командиром взвода охраны проверил посты и решил пораньше лечь отдохнуть. В тот вечер на КП было на редкость тихо, нигде ни звука, ни костра. Часам к 12-и ночи или чуть более к нему в землянку вбежал взволнованный командир охраны и доложил, что один из караульных услышал в лесу, вблизи его поста, какой-то разговор не на русском языке и подозрительную возню. Срочно организованное наблюдение нач. разведки подтвердило достоверность информации. При этом установлено, что метрах в 200-300 от КП в лесу сосредоточилась большая группа немцев. Распоряжением т. Есюткина тихо, без каких-либо команд, были приведены в полную боевую готовность все подразделения, находившиеся в районе КП. Сам же он, возглавив разведроту, приблизившись как можно ближе к расположению немцев, поддал команду «огонь». В стане немцев началась паника, крики, стоны раненых. В темном лесу, в кромешной темноте, побросав много автоматов, около 40 штук рюкзаков, оставшиеся в живых фашисты спасались бегством. На месте расположения они оставили 16 человек убитыми. Оставшие-

ся в живых двое тяжелораненных немца рассказали, что два взвода их роты в эту ночь получили задачу проникнуть к нам в тыл, обнаружить в лесу наш КП, незаметно тихо подобраться и напасть с целью разгрома и захвата пленных. Шли по топкому болоту, сильно промокли, устали, замёрзли, а потому решили отдохнуть, обогреться, подкормиться, провести разведку, чтобы напасть наверняка, а получилось наоборот». [42]

Противник заметно усилил разведывательные поиски, пытаясь прощупать прочность нашей обороны. На переднем крае его обороны появились офицерские рекогносцировочные группы.

В мае месяце Волховская группа войск начала получать в значительно больших количествах боевые самолеты, но их по-прежнему не хватало. Но теперь полки наших легкомоторных самолетов У-2 (например, 662-й авиаполк) получили истребительные эскадрильи и были преобразованы в смешанные авиаполки. Это позволило обеспечить хоть какое-то прикрытие практически безоружным легким самолётам, летавшим в окруженную армию и доставлявшим туда крайне необходимое.[44].

ГЛАВА 5. МЕРОПРИЯТИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ОТВОДА ВОЙСК 2-й УДАРНОЙ АРМИИ. ДОРОГИ

К 16 мая из мешка уже вышла значительная часть кавалеристов 13-го кавкорпуса. В этот же день 4-й гвардейской стрелковой дивизии, в связи с выводом её в тыл на переформирование, было приказано передать свои позиции 382-й стрелковой дивизии, а самой перейти в лес к д. Кречно напротив коридора и ждать приказа о выходе. 3-й гвардейский стрелковый полк полковника А. В. Слепко не сменили, а оставили на прежних позициях до замены другими частями и подчинили непосредственно штабу 2-й ударной армии. Дни шли, а смены не было. Лишь 4 июня бойцы 92-й стрелковой дивизии сменили гвардейцев. Но за пять дней до этого, 30 мая противник перекрыл коридор и полк не мог выйти и остался в окружении. Его передали в резерв 2-й ударной. Полк затем принимал участие в боях на угрожаемых направлениях.

Остальные гвардейцы, выведенные из боя, не сидели в лесу сложа руки. С утра 17-го мая по приказу командования Волховской группы войск они приступили к сооружению деревянного настила на Северной дороге для удобства снабжения и эвакуации войск, особенно техники. Ближе к шоссе на строительстве дороги работали сводные подразделения других частей. Через двое суток на участке 4-й гвардейской стрелковой дивизии, в районе Кречно, лежнёвка была готова и начальник штаба дивизии М.П. Пугаев выделил 40 умелых строителей в помощь частям, которые работали на самом опасном участке – от реки Глушицы до д. Мясной Бор. 20-го мая работы были закончены.

По новой дороге двинулись к Волхову остававшиеся еще кавалеристы, за ними 24-я и 58-я бригады, подразделения 4-й и 24-й гвардейских и 378-й стрелковых дивизий. Прошли коридор 7-я гвардейская и 29-я танковые бригады. [45].

Выход боевых частей, намеченных фронтом к предварительному выводу, был хорошо спланирован и они выходили организованно. В частности, 24-я гвардейская стрелковая дивизия, по воспоминаниям бывшего офицера штаба дивизии П.А. Мальцева «... до 16-го мая вышли из полуокружения без потерь, вернее с минимальными. По проложенной узкоколейке вывезли оружие, артиллерию, минометы... Платформы толкали руками, все, в том числе и командир дивизии с комиссаром, вывозя штабное имущество». [45].

В дальнейшем, после 18-го мая, когда последовал вывод тыловых подразделений и организаций, начались сбои и неурядицы. Дороги армии уже оказались не в лучшем состоянии. Такой вывод следует из приводимых ниже воспоминаний, в частности, работника строевого отдела 13-го кавкорпуса В.Н. Соколова: «... 13-й кавалерийский корпус начал выходить из окружения. Это было осуществлено организованно, почти без потерь. К середине мая почти все части оказались за Волховом. Работники штаба корпуса непосредственно занимались эвакуацией имущества, снаряжения, документов.

17-го мая мне было приказано вывести за Волхов документы строевого, оперативного и шифровального отделов. Для их охраны назначили писаря строевого отдела Василия Сорокина и двух красноармейцев. Выделили автомашину ЗИС-5. Через деревни Нивки и Финёв Луг добрались до

Новой Керести. Здесь наша машина оказалась в хвосте двенадцатикилометровой колонны автомобилей, тягачей, повозок, санитарных машин, тракторов. Лес был буквально забит огромными штабелями сёдел, противогазов, обмундирования, попон, оборудования медсанбатов и госпиталей, каких-то ящиков, бочек.

Постояли в коллоне пять беспокойных дней и, потеряв всякую надежду доставить груз на автомобиле, приняли другое решение. Двигаться можно было только пешком. Отобрав и упаковав секретные документы в вещевые мешки и ящики из-под мин, мы сожгли всё остальное имущество. На рассвете двинулись по маршруту. Долгим показался нам этот переход.

Двигаться по настилу легче, но в невообразимой толчее, происшедшей на дороге, идти было невозможно. Мы пробирались стороной. Лес и расстояние глушили звуки боя у Мясного Бора и пока не внушали тревоги. С ревом проносились самолеты, рвались бомбы и мины... Кругом ямы, воронки, наполненные водой, развороченная земля... Наконец дорога сделала поворот к Мясному Бору – самому узкому месту горловины. Впереди какой-то ад. Невольно в душу заползает страх – страх остаться вот в такой гнилой луже, которую только что с трудом преодолел. Но мы выполняем свой долг.

Чем ближе к выходу, тем труднее идти. Перебегаем от куста к кусту, хоронимся за стволами деревьев. Вид у нас невообразимый. Вместо потерянной зимней ушанки я подобрал пилотку, из фуфайки и ватных брюк ключьями лезет вата...

Только перед заходом солнца 25-го мая всей группой вышли на берег Волхова к переправе у деревни Ямно... Дойдя до пустой землянки на берегу, я вспомнил, что мы уже давно ничего не ели. Хорошо, что пункт был близко.

Через три дня начальник штаба корпуса прислал за нашим грузом повозку. Штаб корпуса мы нашли за сорок километров от переправы – в деревне Плашкино».[47].

Командующий фронтом понимал, что всякая задержка с отводом армии наруку противнику.

18-го мая, через шесть дней после его распоряжения о подготовке отвода армии, командующий фронтом связался со штабом армии и узнал, что отвод войск не может быть начат ранее 22-го мая:

«ХОЗИН: Почему так долго тянете с дорогой?

ВЛАСОВ: На дороге приходится делать сплошной настил на большом расстоянии. Два дорожно-строительных батальона, брошенных туда, очень малочисленны.

ХОЗИН: С таким сроком согласиться нельзя. Обстоятельства требуют как можно быстрее форсировать строительство дороги и надеяться только на дорожно-строительные батальоны нельзя. У вас много тыловых учреждений. Мобилизуйте их и к исходу 20-го мая дорога должна быть готова. Действуйте решительнее и энергичнее. У нас создаётся впечатление, что достаточной энергии вами пока не проявляется».[48].

В данных переговорах командующему фронтом был назван тот же срок окончания дорожных работ, который был ранее сообщён ему при представлении плана вывода войск армии.

К этому времени во 2-й ударной армии большая часть личного состава тыловых учреждений была поставлена в строй вместо выбывших воинов. Генерал Хозин судил по-видимому о положении дел по сводкам и докладам подчиненных. Нигде в документах или воспоминаниях не встретилось упоминание о том, чтобы генерал Хозин лично посетил район расположения войск 2-й ударной армии и собственными глазами увидел состояние войск и условия, в которых они находились. В то же время, представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского



Маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов во 2-й Ударной армии в период Любанской операции

Союза К.Е. Ворошилов во время приезда на фронт в сопровождении командующего Волховским фронтом К.А. Мерецкова несколько раз бывал в войсках на передовой, в «мешке» 2-й ударной армии,

в 13-м кавкорпусе и в стрелковых дивизиях (366, 376, 377).

Армия имеет большую и сложную структуру. Для её функционирования нужны военная техника с оружием, склады с аппаратами снабжения продовольствием, фуражом, горючим, боеприпасами и медикаментами, госпиталями и средствами эвакуации раненых. Жизнь армии, особенно в боевой обстановке, связана с манёвром и контрманёвром войск, их снабжением и эвакуацией. Поэтому очень важное значение имеет состояние дорог, особенно в лесисто-болотистой местности и в весеннее время, когда разваливаются снежные колонные пути.

Вышестоящие штабы давали нижестоящим необходимые распоряжения о строительстве и содержании дорог, но не обеспечили их выполнение выделением необходимых сил и средств. Волховский фронт также издал в марте приказ о содержании и строительстве дорог с наступлением весны, но не предусмотрел выделения необходимых сил и средств для его выполнения. [49].

Во исполнение этого приказа в войсках проводилась работа. Например, в донесении 23-й стрелковой бригады «Сведения о наращивании оборонительных сооружений», представленном штабу 52-й армии 12.4.42 г. указывалось, что «...На случай грязи на дорогах при таянии снегов для создания жердевых и хворостяных настилов было заготовлено 30 000 жердей и 150 возов хвороста». [50].

Такая же работа была проведена и в других соединениях.

Бывший начальник штаба инженерных войск Волховского фронта (январь-июнь 1942 г.) полковник С.В. Чекалин вспоминал: «Для инженерного обеспечения боевых действий 2-й ударной армии мы дали ей почти всё, что мы имели в то время – придали семь фронтовых сапёрных батальонов (3-х ротного состава, численностью 500 человек каждый). Характеристика сапёров, полученных из 2-й сапёрной армии: возраст от 35 до 45 лет включительно. Хорошие специалисты – плотники, кузнецы, слесари и т.д., солдаты Первой мировой войны».

О работах, выполнявшихся ими, Чекалин писал: «Сапёры выполняли следующие задачи: проделывали проходы в минных полях противника, разминировали горловину прорыва при расширении её, минировали фланги и строили огневые сооружения для прикрытия минных полей, строили

колонные пути, оборудовали КП и НП армии, а иногда использовались и как стрелковые батальоны...

...С наступлением распутицы (март-апрель месяцы) большую роль сыграла узкоколейная ж/д, которую восстановили и использовали сапёры для подвоза продовольствия, боеприпасов и эвакуации раненых. Для этих же целей сапёры использовали даже небольшие водные протоки и речушки, сплавливая по ним грузы на лодках и др. подручных средствах». [51].

Генерал-полковник А.С. Хренов – начальник инженерных войск Волховского фронта – в своих воспоминаниях «О Любанской операции. Январь – июнь 1942 г.» о тех заволховских местах, в которых воевала 2-я ударная армия, в связи с работами инженерных войск писал: «Тягостное впечатление составляли лесные заросли, где солнце, едва пробиваясь сквозь густые кроны деревьев, так и не могло просушить мшистую землю. Изумрудные полянки на деле оказывались болотистыми хлябями, переходящими в коричневато-ржавые бездонные топи. В воздухе висели тучи комаров.



Доставка продовольствия и боеприпасов на передовую весной 1942 г. на Волховском фронте

А сколько мук и ухищрений стоила любая сапёрная работа. Здесь и на сухих местах не отроешь под окоп положенные «метр десять» - уже через 30 сантиметров выступала вода. Вместо окопов и ячеек приходилось делать насыпи и площадки под огневые точки. Устраивали и дзоты на плотах, плавающих по болотам. Из жердей, брёвен, хворостяных фашин сооружали укрытия и блиндажи, использовали эти материалы для оборудования ходов сообщения. На многие километры тянулись гати.

Во всё это нужно было вложить огромный самоотверженный труд. Работали не только инженерные войска. Строили все – стрелки, артиллеристы, танкисты. Они сами оборудовали свои позиции, наблюдательные

пункты и укрытия для боеприпасов. Всякая смена позиции была сопряжена с величайшими трудностями и начиналась с прокладки дорог. Без этого танк или пушка чуть свернув с деревянной колеи, немедленно увязали в трясине». [52].

Трудно, конечно, объяснить почему за дороги взялись так поздно. Тут, возможно, сказалась и надежда прорваться к Любани – тогда в наших руках будет Октябрьская железная дорога на участке от Любани до Малой Вишеры



Дороги на Волховском фронте

и до Москвы. Зачем тогда лежнёвки и гати в болотах? Ведь в те дни во 2-й ударной армии не думали об окружении и возможности отвода войск, тратили последние силы для наступления. Как бы то ни было, но с момента принятия решения на отвод армии камнем преткновения стали дороги. Вопрос о них командующий 2-й ударной армией использовал как щит, когда на него нажимал фронт.

Характерно, что вопрос трудностей дорожного обеспечения отвода армии очень скоро захватил генерала Хозина, и он его тоже начал использовать. Сам по себе этот вопрос не может вызывать возражений, он, безусловно, правилен. Однако в связи с приближением лета решать его требовалось оперативно, так как возникали более благоприятные условия не только для отвода наших войск, но и для ведения наступательных действий немецкими войсками.

Генеральный штаб, обеспокоенный таким положением дел, поручил генералу П.И. Бодину в переговорах с генералом М.С. Хозиным напомнить, что прошло много времени после решения об отводе 2-й ударной армии и проведении операции по уничтожению противника в выступе Спасской Полисти.

Генерал Хозин ответил: «Дорога является главным препятствием к тому, чтобы ускорить проведение операции. А без дорог вообще нельзя думать о благополучном проведении в жизнь директивы Ставки. Это было бы равносильно тому, что надо бросить всю материальную часть, артиллерию и автотранспорт и идти воевать с одними винтовками. Этого допустить нельзя.

Как только дорога будет готова, помимо существующей узкоколейки, по которой вывозим тяжело раненных и имущество, тогда операцию проведём быстрее и организованнее».

Далее генерал Хозин изложил последовательность проведения операции по отводу, как она представлялась командованию Волховской оперативной группы.

«1. Вывести материальную часть и тылы западной группы 59-й армии». (Входившие в эту группу части 191, 378, 4 гвардейской и 24-й гвардейской стрелковых дивизий и соединения 13-го кавалерийского корпуса, в большинстве своём с артиллерией, были выведены к 16 мая 1942 г.)

«2. Вывести тылы 2-й ударной армии.

3. Развернуть артиллерию на линии река Кересть, Ольховка, Финёв Луг и начать отвод 2-й ударной армии по рубежам, создавая кулак для нанесения удара по противнику в выступе Спасская Полисть».

Генерал Бодин резонно ответил: « Но позволит ли противник тянуть это дело дальше? Я имею поручение начальника Генерального штаба передать Вам нашу точку зрения на необходимость более быстрого выполнения приказа Ставки». [53]. По мнению автора имелась в виду директива Ставки № 170379 от 14.05.1942 г.

Предложенный Хозиным порядок вывода войск, как показали последующие события, был слишком оптимистичным по ряду причин. В частности, не учитывалась возможность нового перекрытия коммуникаций 2-й ударной армии в районе Мясного Бора, из-за крайнего недостатка боеприпасов, продовольствия, а так же горючего для техники.

Предупреждение Генерального штаба оказалось пророческим.

Противник не стал ожидать, пока 2-я ударная армия подготовит дороги. В журнале боевых действий немецкой группы армий «Север» уже за 21 мая имеется запись: «Движение на участке прорыва западнее Волхова всё больше свидетельствует о том, что советское командование готовится

отвести свои войска из района вклинения». И далее они сделали практический вывод: «С 22 мая на всех участках начинается наступление сильных ударных частей, направленных на сужение волховского котла».

Тот факт, что до этого времени немцы не предполагали ещё возможности отвода войск 2-й ударной армии и в связи с этим не начинали активных атак наших позиций, подтверждает сохранившееся письмо из Мясного Бора сержанта С.А.Муравьева, старшего писаря административно-хозяйственной части 305-й стрелковой дивизии, своей семье. 21-го мая 1942 г. в 7 часов вечера С.А.Муравьев писал: «Весна здесь нищая. Лист на деревьях начал развиваться. Третий день идет небольшой дождик, сыро, грязновато. Птички распевают всюду, кукушки, утром и даже ночью... Весь день кругом тишина абсолютная». Это было затишье перед бурей. [54].

Уже на следующий день закончилось затишье. Сначала немцы атаковали на левом фланге позиции 25-й и 59-й отдельных стрелковых бригад, затем 23-й отдельной стрелковой бригады в районе Филипповичи и 327-ю стрелковую дивизию у Червинской Луки. Потом последовали атаки и на других участках фронта.



Фронтовые дороги на Волхове

После начала активных действий немецких войск командование 2-й ударной армии приступило к выводу своих войск. Следует заметить, что и при планировании операции по отводу войск 2-й ударной армии на новый оборонительный рубеж генерал-лейтенант Власов называл 23 мая датой окончания строительства дорог и начала отвода техники. К этому времени дороги не стали хорошими. Ответственный секретарь редакции армейской газеты «Отвага» В.А. Кузнецов в книге «Моя книга памяти» пишет:

«23 мая. В пути уже более десяти часов, а отъехали едва три – четыре километра. Страшная дорога. Двигаемся, выстилая метр за метром весьма ненадёжную гать. То и дело приходится обходить оконца мёртвой воды, так называемые гарусы, в бездонных глубинах которых даже зимой тонули наши люди, лошади, повозки. Поминутно машины вязнут, и мы ухватившись кто за что сможет дружно, но бесполезно вопим: «Раз-два, взяли!»»

...24 мая. Стоим в лесу между Финёвым Лугом и Клепцами. Добрались сюда с огромным трудом. Спасибо артиллеристам Матвея Борисовича Фридланда. Комиссар одного из артдивизионов дал нам могучий тягач, который шутя вытащил наши погрузшие в непролазной грязи машины». [55].

Глава 6. СОБЫТИЯ НА ФРОНТЕ 2-й УДАРНОЙ АРМИИ С 15.05 ПО 14.06.1942 г.

§ 6.1. События до начала отвода войск

На левом фланге армии первые атаки отражали 25-я и 59-я отдельные стрелковые бригады 20 мая. В этот же день немцы пехотой (до 200 человек) с танками атаковали 382-ю стрелковую дивизию. Потеснив наши части, гитлеровцы захватили Дубовик. В результате взаимодействия наших сил, оборонявшихся в северо-западной части «мешка» (25-я бригада и 382-я дивизия) противник был разбит и положение восстановлено.

В тот период опасным направлением для 2-й ударной армии являлась возможность встречных сильных ударов противника с юга через Филипповичи и с севера со стороны Червинской Луки. Эти удары создавали опасность расчленения армии и окружения её западной группы войск. Такие удары были нанесены немцами 22 мая 1942 г.

Из района северо-восточнее Оредежа немцы атаковали двумя ротами с 8-мью танками 23-ю отдельную стрелковую бригаду в районе д. Филипповичи и захватили эту деревню. Ночью подразделение бригады, отвечавшее за этот участок (это был 1/48-й отдельный стрелковый батальон) в яростной атаке отбило деревню. Утром немцы опять атаковали Филиппо-

вичи. Наши артиллеристы подбили три немецких танка, и пехота врага отошла. Перегруппировавшись, противник в следующие дни своими атаками пытался сбить наши части из района Филипповичи. Все их атаки бойцы 23-й отдельной стрелковой бригады отбили. [56].

22 мая противник под прикрытием дымовой завесы и сильного артиллерийского обстрела обрушился на правый фланг армии и атаковал позиции 1102-го стрелкового полка 327-й стрелковой дивизии южнее Червинской Луки. До 200 человек пехоты с танками пошли в атаку и, попав на наше минное поле, потеряли несколько танков. Это не остановило немцев. Они продолжали вводить в бой всё новые танки и пехоту и атаковать позиции полка. Пехоту отсекали от танков фланговым огнём из пулемётов. Только поздно вечером в рукопашной схватке бойцам–антюфеевцам удалось отбросить гитлеровцев. [57].

Разработанный штабом 2-й ударной армии план отвода войск армии из полуокружения предусматривал, что отвод войск будут обеспечивать три соединения: 92-я, 327-я стрелковые дивизии и 23-я отдельная стрелковая бригада. Они должны были держать оборону на основном и других рубежах и вести арьергардные бои.

Забегая вперед, следует отметить непредвзятое мнение ответственного секретаря редакции армейской газеты «Отвага» В.А. Кузнецова.

В своем дневнике за 11 июня он писал:

«Сегодня с Мишей Каминером побывали у антюфеевцев. За последние дни они перемололи множество вражеской пехоты. У них кончаются боеприпасы, артиллерия и миномёты уже молчат. Лишь со стрелковым вооружением они перешли в контратаку и отбросили немцев более чем на километр. Очень хвалят гвардейцев Буланова. «Первый раз нам попался сосед, на которого можно вполне положиться». Отлично дерутся бойцы 23-й стрелковой бригады, 4-го гвардейского полка. Арьергардные бои ведут лучшие наши силы». [58].

В качестве примера можно привести данные о состоянии 92-й стрелковой дивизии, изложенные в книге о боевом пути этой дивизии (П.В. Масленников). 92-я стрелковая дивизия была в конце февраля 1942 г. выведена из боёв у Спасской Полисти и из состава 59-й армии в резерв фронта. Она получила пополнение в 3000 человек и 8 марта, войдя в состав 2-й

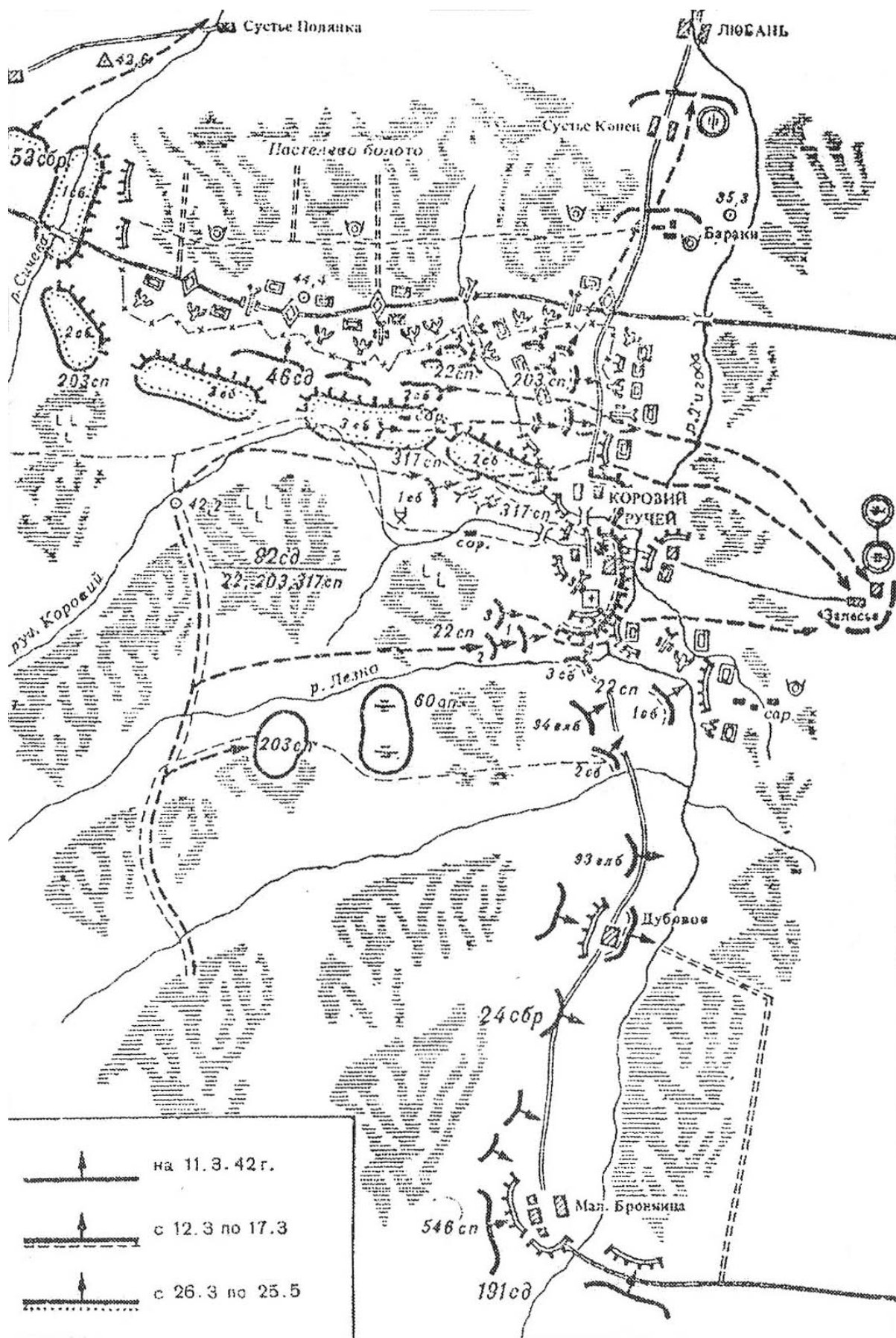
ударной армии, приняла от 191-й стрелковой дивизии её позиции в обороне южнее Красной Горки у леревни Коровий Ручей.

В дивизии постоянно уделялось серьезное внимание каждодневной боевой подготовке и совершенствованию навыков бойцов и командиров во всех видах боя. Проводились встречи разведчиков и командиров по обмену опытом. Вводился в практику во всех разведвзводах систематический разбор выполнения боевой задачи. В 317-м полку один из лучших разведчиков сержант Шепиёв на страницах дивизионной и армейской газет делился опытом. Проводимая работа дала свои плоды. В середине мая 1942 г. дивизионные разведчики захватили гитлеровского солдата, а бойцы взвода разведки 317-го полка – вражеского сапёра, прибывшего только что из Германии под Любань в составе части.

По данным всех видов разведки командованию дивизии стало известно, что в мае фашисты продолжали усиливать свою группировку личным составом, техникой и боеприпасами. Пленные показали, что среди солдат идут разговоры о скором наступлении отборных гитлеровских войск против 2-й ударной армии.

Была организована разветвлённая система воздушного наблюдения, оповещения и связи, приведены в готовность все зенитные средства. В зенитных подразделениях изучался опыт борьбы с фашистскими самолётами. Подводились итоги боевых действий: подразделения 15-го зенитного дивизиона сбили 20 самолётов врага, отдельная зенитная батарея – 8 самолётов. Очень хорошо действовали и средства ПВО стрелковых полков. Приспосабливались трофейные пулемёты, к которым имелось много боеприпасов. [59].

Особо стоял вопрос о возвращении в строй всех видов вооружения. В этих целях повреждённое стрелковое оружие, миномёты и орудия всех калибров сосредотачивались в полковых и дивизионных мастерских. Во всех частях был организован тщательный сбор оружия и имущества на поле боя. Только за один день в апреле в 317-ом полку было собрано 12 винтовок, 27 гранат, 3200 патронов, 11 противогазов и обмундирование. Оружейные техники и орудийные мастера из рот и батарей откомандировывались в мастерские, где они работали круглосуточно по восстановлению оружия и боевой техники.



Карта-схема боевых действий 92-й сд

Большое внимание в этот период уделялось сбережению конского состава. Весь конский состав закреплялся за лучшими ездовыми. Для корма заготавливались трава, молодые листья деревьев, мох. Лошадей стремились использовать как можно меньше, чтобы они могли хотя бы немного окрепнуть.

Так в тяжелейших условиях боевой обстановки решался целый комплекс сложных задач. Командиры, политработники и штабы дивизии, все её бойцы сплачивали подразделения и части, готовили их к новым боям. [60].

Посмотрим что представляла собой эта дивизия, одна из дивизий, назначенных командованием к ведению арьергардных боёв армии.

В частях дивизии имелось в мае 1942 г. 3750 винтовок, около 500 автоматов, 120 ручных и 50 станковых пулемётов, 25 противотанковых ружей, 12 зенитных пулемётов и две 37-мм пушки, 25 – 45-мм и 24 – 76-мм пушек, 8 – 122-мм гаубиц, 10 – 120-мм, 30 – 82-мм и 20 – 50-мм миномётов. [61]. Значительная часть этого вооружения была собрана на поле боя, отремонтирована и поставлена в строй во время нахождения в обороне.

В мае в дивизии числилось до 6 тысяч воинов. В стрелковых полках все роты сводились в два батальона.

92-я стрелковая дивизия согласно плану штаба армии должна была начать отход одновременно с частями 57, 53 и 22-й стрелковых бригад, но не на промежуточный рубеж № 1, а на основной рубеж обороны. Отход должен был осуществляться под прикрытием 46-й стрелковой дивизии, которая должна была начинать отход после полного отвода частей 92-й стрелковой дивизии.

Командование 2-й ударной армии начало осуществлять мероприятия по своему плану вывода частей армии из боя задолго до срока начала действия плана. Это находит своё подтверждение только в 92-й стрелковой дивизии. В книге с описанием боевого пути дивизии «Жертвуя собой» на стр. 187 авторы утверждают, что ещё до общего сигнала на начало отвода армии их дивизия частично начала выход из боя. «В 23.00 16-го мая 203 стрелковый полк и учебный батальон выступили в район Вдицко в резерв армии. Остальные части продолжали оборонять занимаемый район. 317-й стрелковый полк, совершив почти 70-километровый марш, 19-го мая вы-

шел в район Ольховки, где приступил к подготовке главной полосы обороны». [62]. Возможно, это был один из случаев заблаговременной подготовки обороны.

Немцы наносили мощные огневые налёты по нашим опорным пунктам в селе Коровий Ручей и перед железной дорогой. Они вели также методический обстрел вновь проложенных гатевых путей. 23-го мая до роты фашистов пытались вклиниться в расположение 22-го полка в центре боевого порядка. Подразделения встретили противника организованным огнём. Они уничтожили три пулемёта и около 40 гитлеровцев, разрушили две землянки и наблюдательный пункт, подавили огонь двух пулемётов и миномётной батареи в районе Бараков. [63]. В эти дни в 92-ю стрелковую дивизию возвратился её старый командир полковник А.Н. Ларичев.

Решение об отводе 2-й ударной армии стало известно немецкому главнокомандованию. 23 мая 1942 г. генерал Ф. Гальдер в своём «Военном дневнике» отметил: «В районе волховского и погостьевского котлов противник отводит с фронта свои силы. Сокращение фронта». [64].

С каждым днём фронт вражеских атак расширялся. 24 мая противник вновь атаковал 25-ю и 59-ю стрелковые бригады, стремясь развить своё наступление в направлении на Радофиниково и на Дубовик.

26 мая немцы атаковали 57-ю стрелковую бригаду и 46-ю стрелковую дивизию, но успеха не имели. На участках 25-й и 59-й стрелковых бригад противник, развивая наступление, захватил Радофиниково и Дубовик, которые переходили из рук в руки в результате наших контратак. 27 мая упорные бои развернулись за Червино, а в Тигоду внезапно ворвался противник силою до роты пехоты с двумя танками.

§ 6.2. Отвод войск 2-й ударной армии

(См. фронтовую карту отвода войск с фактическими рубежами боёв в главе 8-й.)

На первый рубеж, согласно плана, вначале должны были отходить войска, глубже всех проникшие в оборону противника в северо-западном направлении: 382-я стрелковая дивизия, 59-я и 25-я отдельные стрелковые бригады.

382-я дивизия занимала рубеж в 15-и километровой полосе между 59-й бригадой и 327-й стрелковой дивизией напротив деревень Глубочка и Верховье. С 28 марта дивизией командовал полковник К.Е. Карцев.

59-я бригада занимала позиции в центре участка. С правого фланга её была 382-я дивизия, а с левого – 25-я бригада. 59-й бригадой с апреля командовал подполковник С.А. Писаренко, прежнего командира И.Ф. Глазунова перевели в штаб армии.

Одновременно с ними, но сразу на второй рубеж, должны были отходить их непосредственные соседи справа-92-я и частью сил 327-я стрелковые дивизии.

Войска оставляли позиции в сумерках, ночью и противник не сразу обнаружил их отход. К тому же группы прикрытия оставались на своих местах. Как только позиции стали покидать группы прикрытия, неприятель начал преследование.

В представленном в Ставку ВГК «Докладе о проведении операции по выводу 2-й ударной армии из окружения» сухо констатируется факт: «Выполняя директиву фронта № 00120 от 13.05.42 г. и по сигналу «вперёд», 2 уд. армия при неотступном давлении противника успешно, без потерь выполнила намеченный план вывода войск на основной оборонительный рубеж Ольховка, р. Рогавка, Финёв Луг. К исходу 28.05.42 г. на основной оборонительный рубеж вышли 92 сд, 23 сбр, 327 сд и сосредотачивалась в районе Нов. Кересть в резерв армии 25 сбр, в дальнейшем сменяемая 3 гвсп 4 гвсд. За линию основного оборонительного рубежа вышли 22, 53, 57 и 59 сбр, 46 и 382 сд и была вывезена вся техника армии, эвакуированы раненые и больные бойцы и командиры, а также было эвакуировано в тыл армии местное население». [65].

Рассматривая ход событий при выводе войск армии, обратимся к воспоминаниям непосредственных участников тех событий.

Получив сигнал об отходе, 382-я дивизия оставила позиции и направилась к первому промежуточному рубежу. Штаб дивизии двигался отдельно от своих войск и не позаботился об устойчивой связи с полками. Противник воспользовался этим и окружил штаб. Комдив Карцев сам повёл личный состав штаба в атаку. Немцы от неожиданности опешили, а тем временем инструктор политотдела И.А. Кудинов привёл на помощь

1265-й стрелковый полк и неприятеля отогнали. Дивизия вышла к главному рубежу и прооследовала к Ольховке.

59-я отдельная стрелковая бригада, получив два сигнала: пожар в деревне справа в расположении 382-й дивизии и сигнал по радиии-должна была начать отход, обеспечив выход главных сил 25-й бригады на промежуточный рубеж № 1. Одновременно с отходом главных сил 25-й бригады, 59-я бригада должна была отвести свои части через рубеж № 1, заняв второй рубеж обороны и обеспечить там проход войск прикрытия. Как фактически проходил отход частей 59-й отдельной стрелковой бригады лучше всего описано комиссаром бригады старшим батальонным комиссаром И.Х. Венцом в его воспоминаниях «О боях 59-й стрелковой бригады в Любанской операции 2-й ударной армии».

«...По плану отвода частей 2 УА: нашей бригады после получения сигналов, организовав прикрытия и создав боевые группы для организации арьергардных боёв, мы должны были свернуть части и маршем проследовать через указанные пункты первого промежуточного рубежа с тем, чтобы занять второй на линии дер. Ольховка и обеспечить проход частей, занимавших первый промежуточный.

На рубеже в районе Ольховка нам надлежало организовать оборону, пропустить отходящие части и опять [со] сдерживающими арьергардными боями пройти основной рубеж в районе Финёва Луга, после того выйти в район сосредоточения для последующего выхода через коридор в районе Мясного Бора за р. Волхов. Так было по плану. Но на деле.

Не получив сигнала об отходе по радиии, мы увидели пожары у соседа справа и обнаружили его отход не только по пожарам, но и потому, что с этого фланга на нас начали наступать немцы, угрожая отрезать нам отход по единственному пути через д. Дубовик. Мы дали команду на отход. Открытое пространство в районе д. Дубовик мы уже преодолевали развернув боевые порядки под воздействием сильного ружейно-пулемётного и автоматного огня немцев, с двух сторон пытавшихся нас окружить здесь.

Хорошо, что отход наш начался с наступлением темноты, а дальше за Дубовиком мы втягивались в лесной массив, что и сдержало порыв немцев окружить нас, очевидно также они не располагали сведениями о наших силах и боялись рисковать, как бы самим не попасть в ловушку».[66].

Там у Южной дороги в районе Малого Замошья бригада и закрепи-
лась.

Параллельно с 59-й отходила и 25-я бригада. Немцы начали пресле-
дование. На первом рубеже у ст. Радофиниково, д. Дубовик неприятель
сделал попытку окружить 25-ю и 59-ю бригады. Станция несколько раз
переходила из рук в руки. Наконец 25-я бригада отбилась от немцев, а 59-й
бригаде, как и указано И.Х. Венцом, удалось воспользовавшись темнотой,
втянуться в лес и уйти от преследования.

Передислокация войск прикрытия на второй рубеж началась в уста-
новленный срок. В ночь на 24 мая 1942 г. 327-я стрелковая дивизия отошла
от Красной Горки.

Командир 327-й стрелковой дивизии генерал-майор И.М. Антюфеев
вспоминал: «...поступил сигнал начать отход. С наступлением сумерек
части дивизии оставили оборонительные позиции у Красной Горки. И в
этот момент мы ещё раз убедились, до какой степени бойцы ослаблены
систематическим недоеданием. Они едва переставляли ноги.

От противника мы оторвались незамеченными. Только перед рассве-
том, когда уже были в 8-10 километрах от Красной Горки, враг открыл
ураганный огонь из всех видов оружия по оставленным нами позициям.
Затем он принялся преследовать нас. Но бездорожье, леса и болота на этот
раз стали нашими союзниками. Свою единственную фашинскую дорогу,
которую мы сделали и по которой теперь отходили, старались взрывать
или просто разбирать. (По обеим сторонам дороги простиралось болото. –
Прим. автора.) На первых порах гитлеровцы не могли использовать танки
для преследования. А обойти нас стороной без танков вражеской пехоте
было тоже непросто. Это позволило нам благополучно добраться до перво-
го оборонительного рубежа и закрепиться на нём.

На первом оборонительном рубеже дивизия должна была задержать
противника на сутки. Но от руководства поступил новый приказ: задер-
жаться на этом рубеже как можно дольше, так как главные силы армии
ещё не были подготовлены к прорыву. (В утверждённом плане отвода
войск для 327-й дивизии намечалось занять этот рубеж и удерживать его
до особого распоряжения. Один полк, не задерживаясь на промежуточном
рубеже, должен был выйти в район Финёва Луга и начать готовить оборо-

ну на основном рубеже. – Прим. автора.) Четверо суток дивизия сдерживала противника. Она отбила несколько ожесточённых его атак, даже захватила несколько пленных, в том числе двух пилотов с подбитых самолётов». [67]. На этом же, первом промежуточном рубеже согласно указанного выше армейского плана отвода войск задерживались и обороняли его до особого распоряжения 46-я стрелковая дивизия и 25-я стрелковая бригада. 327-я дивизия отбивала атаки 291 пехотной дивизии немцев, но когда враг потеснил соседей и начал охватывать фланги, антюфеевцы отошли на следующий рубеж.

О выполнении планового маневра 92-й стрелковой дивизии по началу выхода на новые позиции после получения сигнала к отводу войск описано в книге о боевом пути дивизии.

«25 мая ... получили сигнал к отводу войск. Участок 92-й приняла 46-я дивизия. К утру 26 мая 22-й стрелковый полк сосредоточился северовосточнее Вдицко, седлая дорогу на Ручьи, в готовности к контратаке. 203-й стрелковый полк занял круговую оборону в лесу юго-западнее Новой Деревни. Оба полка временно находились в армейском резерве. Согласно плану штаба армии они должны были временно задержаться в этом районе для возможного отражения прорвавшегося противника. Учебный батальон вышел в район Ольховки, а штаб 92-й дивизии развернул командный пункт у Вдицко.

Специальные части и подразделения, а также тыловые учреждения полков и дивизии, используя автомобильный и гужевой транспорт, проследовали по единственной дороге – лежнёвке-через Вдицко и к концу мая сосредоточились в лесу южнее Ольховки...

...Новый начальник политотдела 2-й ударной армии полковой комиссар И.П. Гарус докладывал политуправлению фронта: «92 сд 29.5.42 г., закончив марш, заняла новый рубеж. Марш проходил в трудных условиях. 22-й полк проделал путь по болотистой местности до 60 км. Ослабевшим бойцам была оказана помощь. Отставшие в дороге 17 воинов направлены в госпиталь. На дивизионном обменном пункте были взорваны две автомашины с боеприпасами и танкетка, стоявшие без горючего, и другое имущество, так как противник прорвался в д. Червино и отрезал пути вывоза имущества с ДОПа. Это произошло потому, что 46 сд, которая прикрывала

отход 92 сд, снялась с позиций на шесть часов раньше указанного срока». [68].

Промежуточный рубеж обороны № 2 (от Кривино до Язвинки) проходивший, по реке Ровань неширокой и неглубокой, с заболоченными берегами, был в тактическом отношении выгоден для оборонявшихся. Он не давал возможности противнику вести прицельный артиллерийский огонь в глубину наших тыловых районов и сохранял за нами оборудованные авиаплощадки в районах Финёва Луга и Новой Керести.

На этом рубеже организовали оборону и удерживали его до особого распоряжения 22, 53, 57 и 59-я осбр, 46 и 382-я сд. Эти соединения должны были обеспечить проход через него для организации обороны основного рубежа 23-й осбр, 327-й и 92-й сд, а также другие отходящие войска.

Комиссар 59-й стрелковой бригады И.Х. Венец в своих воспоминаниях отмечал: «Не всё так, как намечалось по плану, прошло и на промежуточном рубеже в д. Ольховка (явная ошибка, должно быть Огорели. – Примеч. автора.) Не успели пройти через наши боевые порядки проходившие части, как пьяные фрицы с автоматами и ручными пулемётами наперевес с криками и гиками ринулись на наши боевые порядки. Вот уж где потешились наши пулемётчики. Успешно отразив все атаки, дождавшись наступления тёмного времени, мы отошли организованно через основной рубеж в районе Финёва Луга и последовали в пункты сосредоточения в лесах вдоль железной дороги вблизи КП 305-й сд». [66].

Описывая в дальнейшем ход боевых действий на основном рубеже обороны, надо представить себе примерно боевое построение наших войск в обороне. Сделаем это на примере 92-й стрелковой дивизии.

На основном рубеже обороны 92-я стрелковая дивизия заняла нижеследующие позиции.

317-й стрелковый полк дивизии закрепился на главной полосе обороны, имея в центре опорный пункт Ольховка. 22-й стрелковый полк дивизии оборонял урочище Каменный с резервом на реке Трубица, протекающей в тылу полка. 203-й стрелковый полк одним батальоном занимал район на второй полосе обороны южнее Ольховки. Другой батальон 203-го полка находился впереди основной полосы перед Ольховскими хуторами, прикрывая дорогу на Ольховку и реку Кересть.

В полках на прямую наводку в оборудованных ДЗОТах ставились пушки с наибольшим запасом снарядов. Они перекрывали танкоопасные направления. На закрытых позициях находились, кроме миномётов, пушки и гаубицы, которые должны были уничтожать прорвавшиеся танки. Но для этих орудий боеприпасов было очень мало. Материальную часть, не имевшую боеприпасов и средств тяги, сосредоточили в одном месте и подготовили её к уничтожению. Личный состав специальных подразделений, у которых уже не было материальной части и техники, был направлен на укрепление стрелковых полков или находился в резерве дивизии.

Весь партийно-политический аппарат дивизии и полков распределили по батальонам и ротам. Командиры постоянно находились в подразделениях среди бойцов и личным примером и советом помогали воинам стойко держаться.

В конце мая 1942 г. противник в районе Ольховских хуторов имел кавалерийский полк, разведотряд и запасной пехотный полк. [69].

К вечеру 28 мая арьергардные войска (92-я, 327-я стрелковые дивизии и 23-я отдельная стрелковая бригада) заняли позиции на основном рубеже обороны. В дальнейшем они прикрывали отвод и сосредоточение основных сил армии в исходном районе для начала прорыва и выхода из «мешка».

Ответственный секретарь редакции армейской газеты «Отвага» в своём дневнике отметил: «... уже дают себя знать некоторые, по всей вероятности, не очень продуманные действия – гражданское население не успели эвакуировать через Мясной Бор. Снятые с места, жители ютятся в землянках, в лесу, оказались по существу в боевых порядках наших обороняющихся войск». [70].

Основной рубеж обороны: Ольховка, р. Рогавка, Финёв Луг также не давал ещё противнику вести прицельный артиллерийский огонь в глубину тыловых районов 2-й ударной армии и, следовательно, позволял осуществлять дальнейший выход в направлении Мясного Бора, а также давал возможность использовать авиаплощадку в Новой Керести и частично в Финёвом Луге.

К моменту выхода на него наших обеспечивающих соединений он был частично оборудован в инженерном отношении. На некоторых на-

правлениях были построены ДЗОТы, отрыты окопы, устроены дерево-земляные стенки. В значительной степени были использованы рельсы от разобранный железной дороги на станциях Радофиниково и Финёв Луг. На танкоопасных участках были поставлены противотанковые поля. Были созданы и другие препятствия. Соединения, занявшие оборону этого рубежа, начали спешно производить достройку укреплений. Они продолжали эти работы и под огнём противника. Рубеж был оборудован и командными пунктами, и линиями проводной связи для управления.

За линию основного оборонительного рубежа отошли 22, 53, 57 и 59-я отдельные стрелковые бригады, 46 и 382-я стрелковые дивизии. За линию этого рубежа была выведена также вся техника армии, эвакуированы раненые и больные.

Правее основного рубежа на позициях в лесном и болотистом массиве оборонялись части 259-й и 267-й стрелковых дивизий 59-й армии, а левее – 19-я гвардейская и 305-я стрелковые дивизии 52-й армии. [71]. Эти дивизии в период с 27.5 по 1.6.42 г. перешли в оперативное подчинение 2-й ударной армии.

Вражеские войска натолкнулись на этом основном оборонительном рубеже на организованный огонь и, понеся значительные потери, вынуждены были отказаться от дальнейших атак с фронта.

Одновременно через узкую горловину в Мясном Бору 25-30 мая начали выводить из окружения 191-ю стрелковую дивизию, эвакуировали много раненых и часть имущества, а по узкоколейке пытались вывезти гаубицы 18-го арт. полка РКК и все имевшиеся на тот день в армии 28 зенитных пушек.

Инструктор политотдела 191-й стрелковой дивизии Ф.М. Аржанов вспоминает: «В конце мая 1942 г. части и подразделения 191-й дивизии начали выход в район Мясного Бора, занявший несколько дней. Штаб и работники политотдела дивизии выходили к вечеру по узкоколейке. На расстоянии от неё меньше чем на километр проходила линия фронта. Некоторые пули противника достигали центра прохода и мы, низко наклоняясь к земле, проходили это весьма опасное место. Правда, без потерь. Штаб и политотдел расположились в 300-400 метрах от Мясного Бора в берёзовой роще.

Автомашины, орудия и другая техника были переданы одной из дивизий 2-й ударной армии, занявшей позиции нашей дивизии. 546-й и 552-й стрелковые полки 191-й дивизии по приказу командования заняли позиции вдоль узкоколейки по обе её стороны на глубину несколько километров. Эти полки вместе с другими частями 2-й ударной армии отражали натиск вражеских войск, стремившихся перекрыть горловину мешка». [72]

В сборнике «На Волховском фронте» в статье «Трудные испытания» командир взвода 18-го ПАП РГК старшина В.С. Кондрашов вспоминал: «Все раненые, тяжелая артиллерия нашего полка были погружены на платформы узкоколейки... командир полка подполковник М.Б. Фридланд, подозвав меня, сказал... Возьми свой взвод и вместе с заместителем политрука Котовым Н.Ф. пойдёте в распоряжение майора Грицака восстанавливать разорванные пролёты узкоколейной железной дороги». [73]. Котов Николай Фёдорович, ныне полковник в отставке и член Совета ветеранов Волховского и Ленинградского фронтов, помнит этот случай. Тогда тяжелую артиллерию полка они вывезти не смогли. В докладе Военного совета фронта «О проведённой операции по выводу 2-й ударной армии из окружения» указывается, что из состава этого полка было выведено 92 человека. Там нет упоминания о наличии на 20.06.42 г. в армии артиллерии калибра свыше 76-мм.

§ 6.3. Бои на основном рубеже обороны

(с 29.05.1942 г. по 10.06.1942 г.)

В течение первых дней обороны на основном рубеже наши соединения ощущали слабый натиск противника, который подходил к переднему краю обороны, в основном, по дороге со стороны Вдицко и не смог ещё быстро подтянуть свою артиллерию, а его авиация особой активности ещё не проявляла.

Перед фронтом 92-й стрелковой дивизии сначала действовало не более батальона противника со стороны Ольховские хутора. Перед фронтом 23-й стрелковой бригады действовали только разведгруппы противника. Перед фронтом 327-й стрелковой дивизии сосредотачивались 474-й и 484-й пехотные полки 254-й пехотной дивизии, 272-й пехотный полк 93-й пе-

хотной дивизии, полк полицейской дивизии «СС», 22-й мотоциклетный батальон 12-й танковой дивизии и на подходе со стороны Язвинка на это направление отмечалось ещё до одной пехотной дивизии противника. Было ясно, что противник намерен как можно быстрее захватить Финёв Луг и одновременно подготавливает сильный удар в направлении Ольховки.

Больше двух недель вели бои на этом рубеже 327-я и 92-я стрелковые дивизии и 23-я отдельная стрелковая бригада, задерживая немцев. Проанализируем ход боевых действий, проходивших на этом рубеже обороны армии, начиная с севера от Ольховки и далее последовательно к югу. На северном участке в районе Ольховки оборонялась 92-я стрелковая дивизия, примыкая к её левому флангу занимала оборону 23-я отдельная стрелковая бригада, а к её левому флангу примыкали позиции 327-й стрелковой дивизии.

На фронте перед 92-й стрелковой дивизией к 5 июня гитлеровцы подвели свежие части. 6 июня они активизировали огневые удары по войскам дивизии и разведку боем. Во второй половине 7 июня немцы начали наступление двумя пехотными полками с 20 танками. Отбросив батальон 203-го полка, находившийся в прикрытии у Ольховских хуторов, они пытались вклиниться в главную полосу обороны на участке 317-го полка, но были выбиты нашими контратаками.

В итоговом докладе штаба Волховского фронта говорилось: «Только на Ольховском направлении к 8 июня было уничтожено свыше 1000 немецких солдат и офицеров и подбито 7 танков». [74]

Боевые действия развернулись на дороге Ольховские хутора – Ольховка. Местность вокруг к тому времени уже подсохла и позволяла противнику использовать здесь танки и бронетранспортёры. Одновременно гитлеровцы начали активные действия против 22-го полка, а также против соседней справа – 267-й стрелковой дивизии и соседей слева – 23-й стрелковой бригады.

В ходе боёв были захвачены пленные из 291-й и 254-й пехотных дивизий. Позднее стало известно: что против 92-й стрелковой дивизии наступали 504, 505 и 506-й пехотные полки 291-й пехотной дивизии и 454-й пехотный полк 254-й пехотной дивизии. Эта группировка поддерживалась

50 танками и значительным количеством авиации. Главный удар наносился на Ольховку и Новую Кереть. [74]

Основные бои за Ольховку развернулись 9-13 июня. Фашисты наращивали огонь и удары. Мужественно дрались дальневосточники. Капитан П.Г. Дондуков и его подчинённые три дня без отдыха и еды уничтожали артогнём в полосе 377-го полка вражеские танки и пехоту. Пушки вели огонь только с близкой дистанции и наверняка. Расчёты знали: скоро кончатся боеприпасы. Враг яростно атаковал Ольховку, но 317-й полк отбросил его. Тогда последовал мощный артоналёт противника по роще и окопам второй полосы.

Вечером 9 июня гитлеровцам удалось просочиться в полосе соседа справа (267-й стрелковой дивизии) по восточному берегу реки Кереть и захватить небольшой лесной массив в 2-х км восточнее Ольховки. Создалась угроза выхода противника в тыл второй полосы обороны. Командир дивизии направляет туда спешенный отряд миномётных расчётов, находившийся в его резерве в 2-х км южнее Ольховки, чтобы выбить противника. Командовать отрядом был назначен П.В. Масленников. Впоследствии он являлся одним из авторов книги о боевом пути дивизии. В отряде было 60 человек. Ночью, переправившись по мосту через реку, отряд направился вдоль реки на север, имея впереди разведку. Около 5 часов утра 10 июня разведка столкнулась с фашистами. Развернув отряд в цепь и стреляя на ходу из автоматов и карабинов, миномётчики начали прижимать немцев к реке, чтобы подставить их под огонь подразделений 317-го полка. Гитлеровцы открыли ответный огонь, но были выбиты с поляны. Геройски действовал сержант Василий Баласюк – командир огневого взвода. Он первым бросался в самые опасные места, расчищая путь автоматным огнём и гранатами. Смело вёл на врага красноармейцев заместитель командира 3-й батареи лейтенант П.Т. Шимко.

Командование 92-й стрелковой дивизии докладывало об этих боях в штаб армии следующее: «10 июня до двух рот противника с танками ворвались в Ольховку и огнём пытались отразить контратаку 317-го полка. Резерв дивизии уничтожил автоматчиков противника, просочившихся в рощу вблизи Ольховки с северо-востока. 11 июня 92-я дивизия вела огневой бой с противником в Ольховке. Утром с севера к нашим позициям

подходили резервы фашистов – до 50 мотоциклистов и 100 солдат пехоты. Огнём они были рассеяны. В 16.40 подошли ещё 30 мотоциклов, на каждом из которых находилось по 4 гитлеровца. К северной окраине Ольховки приблизились 4 тяжёлых и 5 средних танков, но под огнём пушек повернули на запад». [75]

Это было последнее донесение из штаба дивизии о бое в Ольховке, обнаруженное в архиве. Конечно доклады продолжались. Командир дивизии осуществлял управление войсками, но, в основном, через посыльных, так как проводная связь часто выходила из строя от огня противника, а радиостанции вообще не работали.

Неоднократные попытки фашистов 11 и 12 июня сломить оборону 92-й сд в Ольховке были отражены с большим трудом. Для захвата Ольховки враг бросил 13 июня несколько десятков танков и до полка пехоты, подготовив атаку массированными ударами авиации, артиллерии и миномётов.

Многие противотанковые и полковые пушки в 317-м и 22-м полках вышли из строя. Командир дивизии полковник А.Н. Ларичев приказал командиру 60-го артполка выдвинуть 76-мм орудия в Ольховку на прямую наводку и не допустить прорыва танков.

Вот рассказ об этом политрука 5-й батареи артполка А.И. Иванова: «12 июня меня срочно вызвал к телефону командир полка (майор Ю.А. Каплинский) и приказал: – Срочно направь пушку на прямую наводку под Ольховку. Обеспечь бронебойными снарядами. Противник сосредотачивает танки. Действуй как можно быстрее. Понял?

- Я вас понял. Приказ будет выполнен.

«...Если фашистским танкам удастся захватить Ольховку и двинуться вперёд, то они непременно сомнут огневые позиции нашей батареи, так как на орудие было только по несколько снарядов. Вызвал командира огневого взвода лейтенанта Свитенко и передал ему приказ командира полка...

Вызвали орудийный расчёт во главе с сержантом Мокеевым. Поставили ему задачу, подготовили орудие и отправили его на новую позицию. Затем пошли к бойцам батареи... Объяснили им обстановку и подготовились к встрече с танками врага...

Рано утром 13 июня под Ольховкой послышалась артиллерийская и пулемётная стрельба. Бомбила авиация противника. Поднялись чёрные столбы дыма. Значит вражеские танки ринулись в бой. Мы вытащили пушки на прямую наводку, приготовились открыть огонь. Но танки на дороге не появились. Обстановка была неясна, а связь с НП восстановить не удалось. Я с одним бойцом направился к Ольховке. Меня волновала судьба расчёта Мокеева. Навстречу нам шли повозки с ранеными. В одной из них я увидел лейтенанта Свитенко. Он был без сознания. Недалеко за повозками шел ездовой Лихан, ведя четырёх лошадей. Вид у него был измученный, он еле-еле передвигал ноги. Лихан рассказал то, что видел сам и что поведали ему раненые артиллеристы и пехотинцы.

Бой под Ольховкой был жестоким. Как только появились танки сержант Мокеев открыл огонь и поджёг один из них. Сделал ещё несколько выстрелов – загорелся второй танк. Тут же вблизи орудия разорвался термитный снаряд. Мокеев упал. Были ранены некоторые бойцы. На миг наступило замешательство. Тогда к пушке подбежал лейтенант Свитенко и возглавил расчёт, которому удалось уничтожить ещё два танка. Но от другого прямого попадания вражеского снаряда взорвался зарядный ящик. Погибли остальные бойцы, а лейтенант Свитенко был тяжело ранен.

А боевые действия продолжались. Стрелковые роты вели огонь из всех видов оружия по наступающему врагу. Артиллеристы соседних орудий тоже подбили несколько танков, остальные танки повернули в лес. Немецкая пехота залегла, а потом отступила. В этот день под Ольховкой было подбито более десятка танков. На поле боя остались сотни гитлеровцев.

Полегло много и наших бойцов. Мы вынесли убитых батарейцев и привезли их на огневую позицию. На погибших было страшно смотреть; тела и лица их имели обширные ожоги от термитных снарядов. Героев 5-й батареи похоронили на берегу речки. Командование полка представило весь орудийный расчёт сержанта Мокеева к правительственным наградам посмертно, а Петра Свитенко к званию Героя Советского Союза. Лейтенант умер в медсанбате». [76]

Начальник политотдела 2-й ударной армии бригадный комиссар И.П. Гарус докладывал Военному совету Волховского фронта: «...бойцы,

командиры и политработники проявляют образцы стойкости и мужества. 13 июня гитлеровцы бросили 30 танков на 92-ю стрелковую дивизию. Подбито 11 танков, из них 6 взорвано и сожжено. С 9 по 13 июня дивизия подбила 18 танков, сбито 4 самолёта, истреблено 1000 фашистов. Однако в армии создалось тяжёлое положение со снарядами и минами, что сковывает действия войск». [77]

Потеря Ольховки осложнила боевые действия 92-й стрелковой дивизии.

Следует отметить, что в некоторых документах действия 92-й дивизии под Ольховкой оценивались несколько иначе.

а) В докладе о проведении операции по выводу 2-й ударной из окружения сказано: «...командир 92-й сд полковник тов. Жильцов в начале боя проявил некоторую безинициативность, чем ускорил захват противником этого важного пункта»;

б) В докладной записке о срыве боевой операции по выводу войск 2-й ударной армии из вражеского окружения начальника ОО НКВД Волховского фронта говорится «Командир 92-й стрелковой дивизии полковник Жильцов проявил растерянность и в самом начале боя за Ольховку потерял управление».

Полковник Ф.М. Жильцов командовал этой дивизией с 22.4.42 г. по 24.5.42 г., когда в дивизию возвратился и начал ею командовать её прежний командир полковник А.Н.Ларичев. Жильцов же был назначен на должность командира 327-й стрелковой дивизии, но в эту должность фактически не вступал в связи с отказом генерал-майора Антюфеева от перевода на высшую должность, когда его дивизия находилась в окружении.

Все оставшиеся силы 92-й дивизии сосредоточивались на удержании второй полосы обороны, которая проходила по опушкам рощ южнее Ольховки. Людей в полках дивизии было очень мало.

Данных о боевых действиях 23-й отдельной стрелковой бригады на основном рубеже обороны не имеется. В Центральном Архиве Министерства обороны РФ нет документов бригады начиная с 8 мая до конца июня 1942 г. Поэтому пришлось ограничиться только материалами упомянутого ранее доклада. Там сказано: «Части 23-й сбр отбивали все атаки против-

ника и вели упорные бои с прорвавшимися по лесам отдельными группами противника».

Части 327-й стрелковой дивизии вели бой упорно, показали стойкость в обороне и нанесли противнику большие потери, истребив до 10.6.42 г. свыше 2000 немецких солдат и офицеров, имея незначительные потери своей пехоты, но ощутимые потери техники от авиации противника. В результате боёв на этом рубеже противнику удалось вклиниться в оборону 327-й дивизии, частично на правом фланге и больше на левом со стороны озера Тигода, где в районе посёлка Тёсово-Нетыльский занимал оборону партизанский отряд под командованием П.П. Носова. С боеприпасами в дивизии было очень плохо, оставалось по три-четыре снаряда. [78]

Командир 327-й стрелковой дивизии генерал-майор И.М. Антюфеев так писал о боях его дивизии на этом рубеже: «Обстановка на занятом дивизией рубеже обороны складывалась явно не в нашу пользу. Лесные дороги уже подсохли, и противник подтянул сюда танки и самоходные орудия. Он также использовал массированный миномётный огонь. И всё же около двух недель дивизия билась на этом рубеже. Противник не раз врвался в нашу оборону, но контратаками мы восстанавливали положение. Финёв Луг переходил из рук в руки несколько раз. Просто надо было удивляться упорству наших людей. Откуда у них только брались физическая сила и энергия! Даже врага поражала такая неслыханная стойкость. В разбрасываемых над нами листовках он то рисовал наше безвыходное положение, то называл наших бойцов фанатиками.

В конце концов и на этом рубеже наступил критический момент. Левее нас, юго-западнее Финёва Луга, между озёр оборонялся местный партизанский отряд, который был оттеснён врагом. Начался обход нашего левого фланга. Чтобы не оказаться окончательно окружёнными, мы вынуждены были отходить. На сей раз нам пришлось расстаться почти со всем тяжёлым вооружением. Впрочем, у нас уже не было ни снарядов, ни мин, ни капли горючего. Орудия и миномёты частью были подорваны, а частью потоплены в болотах. Автомшины сжигали». [79]

Боевые возможности партизанского отряда, как видно, были оценены недостаточно серьёзно. Ввиду этого в исторически важном документе — «Докладе о проведённой операции по выводу 2-й ударной армии из окру-

жения» Военного совета Волховского фронта Ставке ВГК указывается на то, что: «Следует обратить внимание на факт переоценки значимости болот западнее Финёва Луга, которую допустил командир 327 сд во время занятия участка обороны. Этой ошибкой противник незамедлительно воспользовался, направив со стороны озера Тигода 22 мотоциклетный батальон 12 пд (в пешем строю), который в дальнейшем путём охвата фланга 327 сд непрерывно угрожал тылам и в значительной степени повлиял на ход боя на этом рубеже». [65]

Начальник ОО НКВД Волховского фронта старший майор госбезопасности Мельников в своей докладной записке о срыве боевой операции по выводу 2-й ударной армии из окружения от 6 августа 1942 г. также указывал на этот факт: «Командование 2-й ударной армии – генерал-лейтенант Власов и командир дивизии генерал-майор Антюфеев – не организовали обороны болота западнее Финёв Луг, чем воспользовался противник, выйдя во фланг дивизии.

Отступление 327-й дивизии привело к панике, командующий армией генерал-лейтенант Власов растерялся, не принял решительных мер к задержанию противника, который продвинулся к Новой Керести и подверг артиллерийскому обстрелу тылы армии, отрезал от основных сил армии 19-ю (гв.) и 305-ю стрелковые дивизии». [80]

Ниже приводятся более подробные описания этих боёв дивизии из воспоминаний их непосредственного участника К. Антипова.

«К этому рубежу 4 июня подошли немцы и начали бои за Финёв Луг. Там оборонялся 1102-й стрелковый полк подполковника И.Е. Хажайнова. 5 июня комдив И.М. Антюфеев приказал эвакуировать раненых.

5-го, 6-го и 7-го июня бои за Финёв Луг не прекращались. Посёлок несколько раз переходил из рук в руки. Противник засыпал позиции дивизии листовками-пропусками в плен, но бойцы держались стойко.

7-го июня к немцам подошли подкрепления. Полки 254-й пехотной дивизии немцев, кинулись на 1098-й стрелковый полк майора А.И. Беденкова. Одновременно на левом фланге 258-я охранная дивизия противника прорвала оборону партизан отряда П.П. Носова и навалилась на 1100-й полк... В полках дивизии оставалось по 200-300 человек.

Немецкие солдаты из охранной дивизии атаковали позиции 1100-го полка майора И.К. Сульдина в полный рост при поддержке огнемётов. Сульдин бросился к месту прорыва, взяв с собой последний резерв-связистов и пять автоматчиков из охраны штаба полка. Автоматчики Сульдина прицельным огнём уничтожили вражеских огнемётчиков и Сульдин поднял бойцов в рукопашную. В бою отличился красноармеец Олса Юсупов, когда на младшего лейтенанта Ковальчука бросилось сразу несколько немцев Юсупов один заколол четверых. В страшной драке антюфеевцы вышли победителями и немцы бежали. Вскоре противник опять пошел в атаку и снова потерпел поражение. После четвёртой атаки Сульдин попросил помощи у комдива. Но Антюфеев помочь не мог – на правом фланге 254-я немецкая дивизия сбила с позиций остатки 1098-го полка. К вечеру командир 1100-го полка Сульдин ожидал очередной, шестой атаки немцев. По приказу командира полка все, кто мог держать оружие заняли места в первой траншее. Артподготовка – и немцы пошли в атаку. Опять пошла рукопашная – штыками, касками, сапёрными лопатами. В 1-м батальоне 1100-го полка осталось всего 11 человек. Такой же жестокий рукопашный бой шёл и на левом фланге 1100-го полка за Панковский посёлок. Но голодные измученные люди не могли долгое время противостоять здоровым, сытым солдатам вермахта. Враг прорвал оборону полка в некоторых местах. Только ночь остановила бой...

...Утром 10 июня на новые позиции (327-й) дивизии налетели немецкие самолёты. После бомбёжки подошли бойцы отряда, прикрывавшего отход, и заняли место в общем строю. Около полудня появился вражеский броневик-разведчик. Два последних орудия антюфеевцев стрелять по нему не стали – берегли снаряды на крайний случай, ждали пехоту и танки. Но атаки в этот день не было. Немцы появились только 11-го июня. Они шли спокойно, считая, что русских здесь уже нет. Их подпустили поближе и скосили прицельным огнём. Противник опомнился и после артподготовки организовал настоящую атаку, но был отбит.

Утром 12 июня немцы подвергли расположение 327-й дивизии сильному артиллерийско-миномётному обстрелу. Обстрел продолжался десять часов и должен был бы истребить всё живое. Но после этого ада бойцы ди-

визии ещё нашли силы отразить натиск. В дивизии осталось чуть больше 600 человек. От голода и усталости они еле держались на ногах». [81]

Немецкие войска, действуя со стороны Замошского болота во фланги и стыки 19-й гвардейской и 327-й стрелковых дивизий, прорвали оборону, вышли в тыл 327-й дивизии и 14.6.42 г. овладели всем районом Финёва Луга. Этим они вынудили наши войска к 15.6.42 г. отойти на рубеж ручья Омутной, полян севернее р. Трубица, Глухая Кересть.

§ 6.4. Действия восточной группы войск 2-й ударной армии

Что происходило в восточной группе войск 2-й ударной армии в то время, пока вела арьергардные бои против немцев западная группа войск?

Восточной группой войск 2-й ударной армии называли соединения и части, которые выводились согласно плану штаба армии из оставляемой нами западной части завоёванной ранее территории. В соответствии с директивой Ленинградского фронта № 00211 от 29.5.42 г. эти соединения должны были принять участие в подготавливаемом ударе против немецких войск по расширению коридора для вывода окружённых войск 2-й ударной армии. Он должен был наноситься 2.6.42 г. с фронта отм. 39,8, БАР, отм. 38.1 в районе Лесопункта, навстречу войскам 59-й армии, наносившим удар с востока.

Для этой цели севернее Новой Керести к исходу 2 июня были сконцентрированы и готовились к броску 46-я и 382-я стрелковые дивизии, 22, 25, 53-я и 59-я стрелковые бригады. 57-я стрелковая бригада и 166-й отдельный танковый батальон, в котором оставалось 9 танков Т-60, выводились к р. Полисть, имея задачу обеспечить функционирование прежнего коридора у Мясного Бора. Войска под Новой Керестью накапливались в небольшом районе диаметром менее 16 км.

И без того тяжёлое положение войск на небольшой остающейся территории усугублялось решением командования об эвакуации из района боёв через коридор гражданского населения. Бывший комиссар артбатареи из 327-й дивизии Л.В. Рухленко с горечью вспоминал: «Территория наша была для самих войск тесной, а кроме нас повсюду бродят дети, старики, женщины. Они, как правило, оставляли свои деревни и размещались груп-

пами на более сухих местах, а кое-где и на болотах. Создавалась неприглядная картина: дети просят у нас хлеба, а у нас его нет и ничего нет, чем бы можно было их угостить. Иногда бывало дам ребёнку 100-200 рублей, а на них всё равно купить нечего в условиях окружения. Причём эти люди зажигали костры, а это вызывало причины для обстрела и бомбёжки со стороны врага. Мы несли дополнительные потери людей». [82]

Командование фронтом и Ставка ВГК, недооценили значения обеспечения надёжными коммуникациями наступающей армии. Они не добились уничтожения немецких опорных узлов обороны в Спасской Полисти и Любцах. Не был также решён вопрос перекрытия Северо-Западным фронтом и 52-й армией Волховского фронта немецких коммуникаций обеспечивавших волховскую и ленинградскую группы войск 18-й немецкой армии, что принесло огромные потери и невероятные лишения частям Волховского фронта в данном районе.

Западнее Спасской Полисти неприятель построил свою узкоколейку с буковыми шпалами, привезёнными из Закарпатья. Пользуясь этой дорогой, немцы накапливали силы для удара по коридору с севера, где занимали оборону (последовательно с севера на юг) 372-я, 378-я и 376-я дивизии 59-й армии. Одновременно противник подтягивал силы для наступления на коридор с юга через позиции 305-й, 65-й и 225-й дивизий 52-й армии.

372-я сд, имела 2796 чел., т.е. четвертую часть положенного состава. Полоса обороны дивизии проходила в 2 км. от Северной дороги и тянулась от д. Мостки на запад до отм. 39,0 у р. Глушица, где до войны находились бараки лесозаготовителей (лесопункт). Полоса обороны составляла 4 км., а с изгибами – 12 км.

В 65-й сд оставалось 3708 чел. Протяжённость полосы обороны-14 км вдоль шоссе и жел. дороги Новгород – Чудово. Рубеж проходил от мельницы у Теремца-Курляндского до сараев в 1 км северо-восточнее д. Крутик.

До конца мая всё шло в соответствии с разработанным планом. Как только войска армии отошли на основной рубеж, казалось что самое трудное позади. До района сосредоточения и затем нанесения нами удара «на выход» оставались считанные километры. Тут войскам, увидевшим уже приближающийся конец тяжёлым испытаниям, был нанесён противником

моральный удар. Неожиданно в ночь с 30 на 31 мая, вражеские войска ударом с севера и юга в общем направлении на Мясной Бор оттеснили на запад и восток, обеспечивающие коридор части 59-й и 52-й армий, перехватили коммуникации 2-й ударной армии.

Перехватив коммуникации, гитлеровцы немедленно приступили к созданию укреплений в восточном и западном направлениях. В дальнейшем, в ходе боёв и путём захвата пленных было установлено, что неприятель вышел на коммуникации частями 1-й, 58-й пехотных и 20-й моторизованной дивизий, а также 505-м сапёрным батальоном и другими артиллерийскими и специальными частями. [83]

Понятно, что выход значительных сил противника на коммуникации 2-й ударной армии спутал планы нашего командования.

На повестку дня встал вопрос об освобождении коридора от вражеских войск. Решение этого вопроса предписывалось директивой Ленинградского фронта № 00242 от 1 июня 1942 г. По этой директиве уже требовалось от 2-й ударной армии нечто иное. Необходимо было, объединив все войска, действующие западнее р. Полисть, нанести удар на восток всеми силами, кроме выделенных для обороны основного рубежа и обеспечения флангов. [84]

Во исполнение директивы на западный берег р. Полисть выдвинулись и 2 июня 1942 г. вошли в соприкосновение с противником 57-я стрелковая бригада и 166-й отдельный танковый батальон. Но уже не с целью простого обеспечения существующих коммуникаций. Стало необходимым прорвать вновь организованную оборону немцев. Одновременно с востока навстречу 57-й бригаде наносили удар 7-я гвардейская танковая бригада, 24-я стрелковая бригада и две стрелковые дивизии 59-й армии. Они не смогли пробиться на соединение со 2-й ударной армией. Малочисленная 57-я стрелковая бригада 2-й ударной армии, имевшая только пехотное оружие (артиллерии не было потому, что она без достаточной тягловой силы не имела возможности подтянуться к месту наступления) не смогла преодолеть огневого сопротивления вновь организованной вражеской обороны. Только в нескольких местах прорвалась на 100-200 метров на восточный берег, но вынуждена была вернуться на исходные позиции. Правда, подразделения бригады захватили несколько пленных 1-го, 22-го и 43-

го пехотных полков 1-й пехотной дивизии и 505-го сапёрного батальона. Было также установлено, что противник успел организовать огневую систему, построить ДЗОТы, минные поля и лесные завалы.

Командование 2-й ударной армии срочно перенацелило соединения, сосредоточенные для нанесения удара на Лесопункт. Провело перегруппировку уже для выполнения задачи по освобождению коридора. К исходу 4 июня в район междуречья рр. Глушица и Полисть вышли части 46-й стр. дивизии, а также подразделения 22, 25, 53 и 59-й стрелковых бригад, имея задачу нанести удар утром 5 июня навстречу войскам 59-й армии, наступающим с востока. Эта затяжка времени дала возможность немцам значительно укрепить оборонительные сооружения и подтянуть доп. силы. Наша перегруппировка не прошла незамеченной. Не успели наши части прибыть к месту сосредоточения, как подверглись сильным ударам бомбардировочной авиации противника.

Вероятно, имеет право на существование гипотеза высказанная комиссаром 59-й осбр. Комиссар 59-й отдельной стрелковой бригады И.Х. Венец в своих воспоминаниях написал о том, что может быть было бы вернее использовать моральный подъём в связи с переходом войск к позициям для выхода из «мешка», а не давать излишнего утомления обессиленным от голода людям. Он писал:

«Насколько я помню, выход через коридор нам предстояло совершить в ночь на 31 мая. С радостным настроением направлялись мы с Писаренко на совещание командиров и комиссаров частей, находившихся в готовности к выходу через эту горловину. Мы понимали всю сложность, ведь в ограниченное время по узкому коридору, под воздействием огня противника нужно было вывести большую массу войск и техники. Однако собравший нас генерал Алферьев, как обухом по голове, сообщил нам, что проход закрыли немцы. Кто-то из присутствующих предложил начать немедленное наступление. Личный состав наших частей настроен на выход, мы поставили на прямую наводку все наши пушки, объявили людям, что за Волховом нас ждёт отдых, и не только откроем прорыв, но и решим его. Все мы дружно поддержали это предложение. Но в ответ было сказано, что операция по прорыву будет готовиться.

Утром бригада получила приказ: по топким болотам выйти в район Любина Поля, сосредоточиться там в лесу и ждать дальнейших указаний. С огромными усилиями, за день светлого времени, мы совершили этот трудный, изнурительный маневр. Доложили о выполнении и ...получили приказ вернуться в прежнее положение. Смысл маневра так и остался нами не понят.

Вернувшись на прежнее место сосредоточения, ещё через день мы получили приказ занять оборону на переднем крае, правее жердевой дороги и узкоколейки, что мы и сделали... Мы готовились, но укрепляли свои позиции и немцы, имея хорошие пути подвоза с двух сторон: со стороны Новгорода и со стороны Чудова.

Начавшиеся спустя некоторое время попытки прорвать оборону, восстановить прорыв обрекались на неудачу невероятно сильным огнём противника. Наша нерешительность, перегруппировки, потеря времени дали выигрыш немцам, начавшим постепенно сжимать кольцо окружения.

Истощались наши запасы в боеприпасах, в отсутствие продовольствия мы начали по-немногу компенсировать его кониной: но и лошадей доедали последних. Началось голодание и истощение людей. Особенно изнуряюще действовали непрекращающиеся массированные налёты авиации». [85]

С целью анализа правильности мнения И.Х. Венца ниже приведены данные о наличии в частях 2-й ударной армии личного состава и вооружения на 1.6.42 г. В справке начальника Особого Отдела НКВД Волховского фронта старшего майора госбезопасности Мельникова указывалось следующее количество бойцов и вооружения в войсках 2-й ударной армии 1 июня 1942 г. [86]

22-я стр. бригада	– 1379 чел.
23-я стр. бригада	– 2023 чел.
25-я стр. бригада	– 1461 чел.
53-я стр. бригада	– 1731 чел.
57-я стр. бригада	– 1956 чел.
59-я стр. бригада	– 1477 чел.
19-я гв. стр. дивизия	– 3280 чел.
46-я стр. дивизия	– 2430 чел.

92-я стр. дивизия – 4085 чел.
 259-я стр. дивизия – 5393 чел.
 327-я стр. дивизия – 3365 чел.
 267-я стр. дивизия – 4424 чел.
 382-я стр. дивизия – 2434 чел.
 305-я стр. дивизия – 4821 чел.

Наличие вооружения во всех соединениях и частях армии:

Наименование вооружения	В войсках	На складах	Требующего ремонта	Боеприпасов (шт.)
Винтовок разных	31 589	3 413	2 532	10 684 700
Пистолетов и револьверов «Наган»	4 116	-	20	1 779 040
Пистолетов ППШ и пулеметов разных	4 451	76	388	16 865
Противотанковых ружей	409	61	34	33 912
Минометов разных	545	41	212	104 759
Зенитных пушек всех систем	28	-	4	18 591
45-мм пушек	80	4	15	57 100
75-мм пушек	143	11	29	23 624
122-мм пушек	59	-	8	5 308
152-мм пушек	25	-	5	1 832

(Л.Е. Решин, В.С. Степанов, Военно-исторический журнал, №5, 1993 г., с.34.) [86]

Группа войск 2-й ударной армии, намеченных командованием для нанесения удара с запада по немецким войскам, захватившим коммуникации нашей армии у Мясного Бора, была всё же малочисленна по составу и, к тому же, состояла уже преимущественно из бойцов тыловых подразделений.

При бомбардировке авиацией противника особенно пострадала 46-я стрелковая дивизия на р. Глушица.

На внезапность действий этой группировки 2-й ударной армии уже рассчитывать не приходилось. Учитывая всё это, командование 2-й ударной армии по согласованию с 59-й армией решило начать атаку ночью в

2.00 5-го июня без артподготовки с тем, чтобы внезапной атакой прорвать оборону противника.

Однако достичь внезапности не удалось, она была потеряна ещё накануне, во время сосредоточения. Тем не менее, войска армии на некоторых участках форсировали р. Полисть и продвинулись на 100-150 метров, уничтожив огневые точки врага, расположенные непосредственно по восточному берегу реки. С наступлением рассвета бой принял ожесточённый характер. Поддержанные сильным артминоётным огнём и действиями авиации, гитлеровцы несколько раз бросались в атаку, пытаясь сбросить советских воинов в реку, но каждый раз, встречаемые метким и дружным огнём из стрелкового оружия, откатывались обратно. Лишь после того, как подошли к концу патроны, подразделения и части, продвинувшиеся на восточный берег р. Полисть, отошли на западный её берег.

Неудача войск армии объяснялась малочисленностью подразделений, недостатком боеприпасов. Чтобы сокрушить врага надо было пополнить стрелковые роты людьми, обеспечить артиллерию боеприпасами. Первое в какой-то мере было решено за счёт тыловых частей и подразделений армии, которые по приказу командарма были расформированы, а их личный состав влит в стрелковые подразделения. В результате численность стрелковых рот значительно увеличилась. Хуже обстояло дело со снарядами. Их доставляли самолётами ночной авиации. Ночи в июне короткие. Помимо снарядов надо было завозить продовольствие, медикаменты и потому процесс накопления боеприпасов проходил очень медленно. И когда настало время наступать – их было так мало, что практически нашей артиллерии не было слышно.

Необходимо отметить, что начиная с 5-го июня противник активизировал свои действия и против войск армии, занимавших оборону на рубеже Ольховка, р. Рогавка, Финёв Луг.

О том, какова была обстановка в первые дни июня в небоевых частях армии можно составить некоторое представление по дневниковым записям ответственного секретаря редакции армейской газеты «Отвага» В. Кузнецова. Редакция находилась во втором эшелоне штаба армии. Вот эти записи.

За 3 июня 1942 г. он записал: «Наш островок всё меньше. Накануне вечером редакции определён участок обороны, который мы с Николаем Дмитриевичем изучали сегодня, составляет по фронту около 200 метров. Свободные от выпуска очередного номера газеты люди находятся на своих новых боевых постах.

Дважды налетали бомбардировщики. Потери: четверо убиты, шестеро тяжело ранены, двое сравнительно легко. Почти все пострадавшие – наши ближайшие и постоянные соседи – отдел политпросветработы. Бомбы вывели из строя обе их машины...»

«5 июня. Всю ночь не утихала канонада. На этот раз бьёт наша артиллерия. Бьёт туда, в сторону нашего трижды клятого коридора. Видимо началось очередное наступление, которого ожидали все эти дни. С утра появились вражеские бомбардировщики, они долбят позиции наших артиллеристов...»

«6 июня. Поступил срочный приказ немедленно сменить место дислокации. Снимается весь второй эшелон. Пришлось прервать печатание очередного номера и – снова в дорогу...

Во всём чувствуется какая-то лихорадочная поспешность. Начальство раздражено и чем-то явно обеспокоено. Передаются по крайней мере три версии ночного переполоха... Третья версия – исчез сотрудник шифровального отдела с документами. Подозревают, что он мог перейти к немцам и сообщить дислокацию наших частей и штабных подразделений. За ночь отъехали не более километра и застряли в пробке на дороге, которая не рассосалась до утра... Ждём вечера, чтобы снова отправиться в путь. Удалось выпросить у соседних шоферов сорок литров бензина – на шесть машин...» [87]

В докладе о проведении операции по выводу 2-й ударной армии из окружения отмечено, что «На всех трёх КП (севернее Нов. Кереть, сев. р. Глушица и в районе р. Глушица... которые были последовательно сменены штабом армии, противник подвергал штарм бомбардировке с воздуха. В результате этих бомбардировок из строя вышли нач. артиллерии, зам. Нач. ВВС, нач. 8 отдела, комиссар разведотдела и много других командиров штаба армии». [65]

В период с 5.6. по 10.6. соединения 2-й ударной армии производили перегруппировку.

ГЛАВА 7. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЗА КОММУНИКАЦИИ 2-й УДАРНОЙ АРМИИ В «КОРИДОРЕ» У МЯСНОГО БОРА

С 27 мая противник открыл усиленный артогонь по прикрывавшим коридор дивизиям. Тяжёлая батарея из Спасской Полисти непрерывно обстреливала Северную и Южную дороги. Авиация врага группами от 15 до 22 самолётов бомбила дорогу Мясной Бор – Новая Кереть, войска на плацдарме, переправы через Волхов и подходы к ним с востока.

29 мая немецкая пехота перешла в наступление на «коридор». Главный удар на южном фланге враг нацелил на позиции 65-й стрелковой дивизии, отвлекающий удар – на позиции 305-й и 225-й стрелковых дивизий. У противника на южном фланге «коридора» действовали 126-я и 58-я немецкие дивизии, 250-я испанская дивизия, легион «Фландрия» и несколько мелких частей. В течение дня 29 мая бои шли с переменным успехом. 30 мая противник развернул наступление с решительными целями.

С южной стороны противостояли немцам бойцы 65-й Краснознамённой стрелковой дивизии. В ней оставалось 3708 человек. Они держали оборону общей протяжённостью 14 км вдоль шоссе и железной дороги Новгород-Чудово. Рубеж проходил от мельницы у Теремца-Курляндского до сараев в 1 км северо-восточнее деревни Крутик.

Литсотрудник дивизионной газеты политрук Т.П. Андрейкович вспоминает: «Утро 30 мая выдалось хмурое. Над болотами, в продрогшем за ночь кустарнике, плавали сырые клочья тумана. Небо сплошь заволочла пелена неплотных серых облаков, как бы стоявших на одном месте. Фронт пробуждался вяло. И вдруг всё содрогнулось. Враг обрушил сильный артогонь на позиции 38-го и 311-го полков, на шоссе, Мясной Бор. В общий гул то и дело врывались тяжёлые удары «Берты» – мощной мортиры, подтянутой по железной дороге и установленной где-то в районе Подберезья. Она била по станции, разнося в пух и прах всё уцелевшее там. Её снаряды так велики, что при полёте хорошо видны в воздухе.

Вражеская артподготовка длилась более часа. Не было клочка земли где бы не рвались мины и снаряды. Пороховой дым смешался с туманом, стало темно и мрачно.

Вскоре появилась вражеская авиация. Тяжёлые «юнкерсы», как призраки, плыли в дымчатых облаках, зависали над плацдармом, над переправой, перекрестком дорог в Мясном Бору. Они появлялись группами по 15-20 штук, замыкали круг и начинали свою адскую «карусель» со свистом бомб и воем сирен...» [88]

К полудню 30 мая неприятелю удалось ценой больших потерь потеснить части 305-й и 65-й стрелковых дивизий, но дальше продвинуться он не смог. Тогда немецкое командование снова вызвало авиацию. С 12 часов 30 минут группы немецких самолётов опять непрерывно бомбили боевые порядки 305-й, 65-й и правого крыла 225-й стрелковых дивизий. После чего последовали новые атаки немецкой пехоты.

Позиции 1002-го стрелкового полка 305-й стрелковой дивизии у рек Гаренка, Кересть и ручья Рабтица западнее Замошья неприятель атаковал силами до батальона. Другой батальон противника пробовал прорваться со стороны Земтиц на стыке с 65-й дивизией в направлении Теремца-Курляндского. Бои здесь продолжались до 18 часов, пока противник не выдохся.

Главный удар немецких войск был опять направлен против 65-й дивизии. Там около полка немцев с одиннадцатью танками атаковали правый фланг 311-го полка. Двумя залпами «эресов» были уничтожены 4 танка и много живой силы врага, однако остановить немцев не удалось. 2-я, 7-я и 8-я роты 311-го стрелкового полка держались до последней возможности. В этом страшном бою погибло 100 наших бойцов. Несколько человек, оставшихся в живых, отступили. Командир дивизии послал им на помощь роту автоматчиков, но немцы отбросили её с большими потерями. Силы оказались слишком неравны. Военный Совет 52-й армии решил использовать свой последний резерв – в бой ввели 54-й гвардейский стрелковый полк 19-й гвардейской стрелковой дивизии и 7 танков Т-34 193-го танкового батальона. Перед боем полк получил маршевое пополнение – 370 человек, плохо обученных. Пополнение было введено в бой с ходу несколоченным. Их ввели в бой вместе с танками. В бою немцы подбили два наших

танка, а молодые бойцы, оказавшись первый раз под огнём, побежали назад. Они были остановлены заградительными отрядами особых отделов.

Противник, несмотря на большие потери, прорвался через позиции 311-го полка 65-й стрелковой дивизии к Южной дороге между селениями Теремец-Курляндский и Мясной Бор. В результате к 18 часам Южная дорога была перерезана. Немцы своим левым флангом отрезали 305-ю стрелковую дивизию. Таким образом и эта дивизия оказалась в окружении. [89]

Несмотря на такой неудачный исход боя, рядовые бойцы 65-й стрелковой дивизии, которые сражались в ней уже продолжительное время, проявили в этих боях настоящий героизм.

Упомянутый ранее литературный сотрудник дивизионной газеты 65-й дивизии Т.П. Андрейкович, описывая эти бои в книге «Сражались на Волхове» пишет, что: «Бойцы были готовы к вражеской атаке: в последнее время заметно активизировалась вражеская разведка, усилились обстрелы, над нашими позициями не раз появлялся самолёт-корректировщик – «костыль»...

...И снова дивизия выдерживает бешеный натиск врага. И снова забайкальцы проявляют героизм. Когда издали донёсся приглушенный гул моторов, командир 76-мм орудия гвардии сержант коммунист Прохор Бродак знал, что это танки. Он до боли в глазах всматривался вперёд, но из-за дыма и гари ничего не было видно. А гул всё приближался.

- Орудие, к бою! – скомандовал Бродак.

Этот бой одного орудия с тремя танками был испытанием воли и нервов. Победили мужество и стойкость советских бойцов. Орудийный расчёт артиллеристов-гвардейцев 6-го артполка, возглавляемый отважным и опытным командиром-коммунистом, впервые отличился ещё под Тихвином, за что Прохор Бродак уже тогда был награждён орденом Красного Знамени. О его боевых делах неоднократно писали дивизионная и армейская газеты, а опыт перенимали многие расчёты.

С самого утра ареной ожесточённых боёв стала узкая длинная поляна на стыке 38-го и 311-го полков. Фашистские танки и пехота упорно стремились прорваться по ней к Теремцу-Курляндскому. Уже были отбиты три атаки, а натиск врага не ослабевал. Геройски действовал в этом месте

взвод бронейщиков 311-го полка, которым командовал младший лейтенант Леонид Семенюк.

В первой же схватке смертью храбрых пали многие воины его взвода. И вот за противотанковое ружьё пришлось лечь самому командиру взвода. Напрягая зрение, он смотрел в амбразуру ДЗОТа. Впереди были изломанные, покалеченные деревья, - будто страшной силы ураган пронёсся в лесу и оборвал листья берёз, вырвал с корнем и повалил на землю высокие сосны и ели.

Фашисты остановили машину метрах в четырёхстах и начали бить бронейными снарядами. Ярость овладела Семенюком. Он вытащил из ДЗОТа противотанковое ружьё и побежал вперёд. Танк тоже тронулся и начал стрелять на ходу. Они быстро приближались друг к другу – тяжёлая бронированная машина и ничем не защищённый, но не знающий страха человек.

Прицеливаясь, Семенюк увидел, как из открытого люка высунулся офицер. Фашист также заметил бронейщика и выстрелил в него. Но Леонид уже нажал на спусковой крючок. Враг промазал, а бронейщик попал точно. Семенюк знал куда бить. Первой пулей ему удалось заклинить башню. Второй он поджёт танк.

А сзади, из-за кустов, подминая их под себя, выползла вторая машина. Семенюку некогда было раздумывать. Да и не о чем, его охватил азарт, желание расправиться и с этой машиной.

Леонид знал, выгоднее бить не в лоб, а по бортовой броне. Перебежав на другую огневую позицию, бронейщик изготовился и хладнокровно наблюдал за врагом. Танк подошёл ближе и начал разворачиваться, чтобы вернее попасть в ДЗОТ снарядом или разворотить его гусеницами. Но как только стальное чудовище подставило свой бок, Леонид выстрелил. Из танка повалил дым, а потом вырвалось и пламя. И в это время рядом страшно треснуло. Семенюк потерял сознание от сильной боли.

Очнулся он от толчка в бок. Рядом стоял немецкий офицер.

-Рус, ауфштейн! Вставай! – кричал фашист.

Превозмогая боль, Семенюк поднимался очень медленно. А в голове - рой мыслей – неужели погиб. Офицер подошёл ближе. Вдруг, откуда взялась у Семенюка сила – он толкнул офицера в грудь. Фашист свалился в

воронку, наполненную водой. Семенюк ещё ударил его и начал быстро уходить. Шатаясь, пошёл по лесу, подобрал немецкую гранату. Потом долго полз. Несколько раз прикидывался мёртвым. Вероятно, уже недалеко от переднего края его заметили немецкие автоматчики. Он скатился в ближайшую рытвину. Раздались автоматные очереди.

Поздно ночью полковые разведчики вытащили к себе младшего лейтенанта, окровавленного и еле живого.

На следующий день дивизионная газета «Боевая красноармейская» напечатала большую статью - «Сражаться, как Леонид Семенюк». За этот бой он был награждён командованием орденом «Красного Знамени».

Здесь же Андрейкович рассказал о большом мастере своего дела, артиллерийском разведчике 6-го гвардейского артиллерийского полка Григории Ударцеве. За несколько дней до боёв 30 мая он обнаружил а батарея уничтожила значительное скопление немцев. Вот рассказ об этом: «В шестом гвардейском артиллерийском полку прославился разведчик Григорий Ударцев. В последних боях, благодаря его мужеству и мастерству, артиллеристы нанесли противнику большой урон...

...Он (Ударцев - авт.) подробно рассказывает, как на днях была разгромлена большая вражеская колонна в глубине обороны противника.

Прильнув к окуляру стереотрубы, Ударцев зорко всматривался в очертание обороны фашистов. Перед ним была изрытая траншеями и окопами земля, кругом рвы, ямы, проволочные заграждения. Местность казалась мёртвой. Кажется, уже давно там всё изучено. Но, видно, не всё. На дороге, пересекавшей холм, блеснуло стекло легкового автомобиля, который сразу скрылся в роще. Затем промчался мотоциклист. И тоже тем же путём. Уж не штаб ли там.

Он смотрит дальше, в глубину. И вдруг... даже не поверил своим глазам. По дороге движется колонна вражеских солдат. Похоже чувствуют себя в безопасности, раз позволяют такое...

Сигнал летит на батарею. Чёрные косматые столбы разрывов взметнулись над колонной. Многие фашисты остались лежать там навсегда.

Представляя храброго и умелого воина к правительственной награде, командир 6-го гвардейского артполка писал в реляции: «Ударцев в по-

следних боях действовал самоотверженно, не щадя жизни, безошибочно разведывал систему вражеского огня и умело направлял огонь дивизиона».

Замечательного воина-артиллериста наградили орденом «Красного Знамени». [88]

Возвратимся к событиям 30 мая в коридоре у Мясного Бора. 225-я стрелковая дивизия занимала позиции левее 65-й. Крупные силы противника атаковали её правый фланг на стыке с 65-й дивизией, но ворваться в её боевые порядки не смогли. [90]

Одновременно с ударом с юга по частям 52-й армии, началось наступление немцев на северном фланге коридора против 1236-го стрелкового полка 372-й стрелковой дивизии 59-й армии. 372-я стрелковая дивизия к этому времени занимала участок обороны протяженностью в 12 км от д. Мостки до отм.39,0, что в 2 км севернее узкоколейной железной дороги у реки Глушица, где до войны находились бараки лесозаготовителей (Лесопункт). Наша оборона создавалась здесь в спешке, завершить её оборудование не успели.

Начальник особого отдела НКВД Волховского фронта старший майор госбезопасности Мельников 6 августа 1942 года представил зам. наркома Внутренних дел Союза ССР Абакумову «Докладную записку о срыве боевой операции по выводу войск 2-й ударной армии из вражеского окружения». В ней об обороне этой дивизии написано: «Командующий 59-й армией генерал-майор Коровников наспех утвердил необработанную схему оборонительных сооружений дивизии, представленную командиром 372-й стрелковой дивизии полковником Сорокиным, штаб обороны её не проверил.

В результате этого из выстроенных 11 ДЗОТов 8-й ротой (одного из полков) этой дивизии семь оказались непригодными». [89] .31).

Противник прорвался через рубеж 1236-го полка и бросился на расположенную восточнее 191-ю стрелковую дивизию, расчленил второй эшелон этой резервной дивизии. 191-ю дивизию на эти позиции во второй эшелон 59-й армии отвели в конце мая через коридор у Мясного Бора из района Сустье Конец-Померанье, где она находилась с февраля 1942 г. в обороне в составе 2-й ударной армии. Эта дивизия свои автомобили, тяжелую технику и, главное, орудия оставила на прежнем месте другим частям

2-й ударной армии. 546-й и 556-й стрелковые полки дивизии занимали позиции в болоте вдоль узкоколейки. Дивизией командовал с 25 апреля полковник Н.П. Коркин, бывший командир 23-й отдельной стрелковой бригады, а с 16 мая дивизию принял подполковник П.И. Артёменко. Он неоднократно просил командарма-59 П.И. Коровникова отвести 191-ю стрелковую дивизию на 500 м. восточнее к Северной дороге, чтобы там на сухих участках создать прочную оборону. И.Т. Коровников не отреагировал и 191-я дивизия, бездействуя и не возводя оборонительных сооружений, осталась стоять в болоте.

Командующий фронтом М.С. Хозин и командующий 59-й армией И.Т. Коровников, будучи осведомлены о сосредоточении противника, всё же считали, что оборона 372-й стрелковой дивизии прорвана небольшой группой автоматчиков и достаточных мер для помощи дивизии не приняли, не ввели немедленно к месту прорыва резервов. В результате этого удара немцы прорвались через слабые позиции 191-й стр. дивизии, перерезали узкоколейку и Северную дорогу за р. Кересть в 800 м. северо-восточнее отм. 40,5. 31 мая 191-я стр. дивизия вела тяжёлые оборонительные бои, пытаясь освободить коридор. Противник сдерживал её заградительным огнём.

В своём донесении №00761/оп от 1.06.42 г. Верховному Главнокомандующему генерал Хозин доложил, что в ночь на 1 июня противник на стыке 59-й и 52-й армий прорвался с севера и вышел силою до полка на дорогу 2-й ударной армии. Одновременно докладывалось, что на рассвете 2 июня будет нанесён контрудар силами 2 сд, 24 сбр, 552 сп и 7 тбр с востока и с запада частью сил 2-й ударной армии и 191сд. [91]

Говоря о северном фланге коридора, следует отметить, что сложным оказалось положение и 376-й стрелковой дивизии, державшей оборону по соседству, на ручье Горевом. Ручей и река Полисть от весеннего таяния разлились в низине севернее Мостков и затопили позиции дивизии. В критический момент для армии, 8 июня комдив 376-й обратился с просьбой к командарму 59-й И.Т. Коровникову: «оставить на прежнем месте усиленное боевое охранение», «перенести передний край обороны от ручья южнее, на восточный берег Полисти, ввиду того что на достигнутом рубеже —

болото; вода по колено, невозможно строить укрепления, местность хорошо просматривается противником, части несут большие потери». [92]

В сложившемся тогда для 59-й армии положении, когда немцы заняли коммуникационные линии 2-й ударной армии (в частности, и по вине 59-й армии), ввиду неудачных попыток армии ликвидировать этот прорыв в Мясном Бору, понятно было решение командующего не давать согласия на перенос переднего края дивизии на восточный берег Полисти. Дивизия удержала свои позиции, хотя и понесла потери.

На южном фланге коридора 31 мая авиагруппы противника из 17-20 самолётов с самого утра не переставая бомбили боевые порядки 65-й стрелковой дивизии и 1000-го стрелкового полка 305-й стрелковой дивизии у Малого Замошья. На участке 1000-го стрелкового полка и 2-го батальона 1002-го стрелкового полка 305-й стрелковой дивизии весь день шёл огневой бой.

65-я дивизия первую половину дня отбивала атаки врага у перекрестка дорог южнее Теремца-Курляндского, восточнее отм. 40,2. Врагу опять удалось вклиниться в расположение 311-го полка. Дивизия ответила контратакой и ввела в бой свой второй эшелон – 54-й полк с тремя танками, но противник встретил его массированным огнём и вперёд не пропустил.

1 июня на фронте 305-й дивизии изменений не произошло. Главные удары немцев на южном фланге коридора по-прежнему отражала 65-я дивизия. В 16 часов после артподготовки и сильного артиллерийско-миномётного налёта неприятель перешёл в новое наступление на Теремец-Курляндский. Вражескую атаку отразил 431-й стрелковый полк 65-й дивизии и пять танков Т-34 193-го отдельного танкового батальона. На участке 38-го стрелкового полка у Южной дороги немцев даже удалось сбить с их позиций, но два наших танка были подбиты, два сгорели и ещё один застрял в болоте. После этого в 193-м танковом батальоне в строю остался всего один танк.



Фронтовая карта положения частей 305-й и 65-й сд

В конце концов противник опять прорвался на стыке 305-й и 65-й стрелковых дивизий и соединился со своей северной группировкой. И без того узкий коридор перестал действовать.

Утро 2 июня началось с налётов вражеской авиации. Немцы бомбили и переправы на Волхове. На них первые бомбы посыпались в 5 час. 30 мин. В это утро один батальон 372-й стрелковой дивизии командованием фронта был передан на усиление 65-й стрелковой дивизии. Но едва он подошёл к Теремцу-Курляндскому как подвергся бомбардировке 40 вражеских самолётов. Батальон понёс большие потери и задуманный контрудар не состоялся.

Днём в состав 52-й армии прибыли подразделения 150-го укрепленного района, предназначавшиеся Ставкой ВГК для обеспечения прикрытия плацдарма на участке Спасская Полисть, Мясной Бор, Земтицы. Частям этого укрепрайона приказали сменить 299-й стрелковый полк 225-й стрелковой дивизии и приступить к устройству долговременной обороны по восточным берегам рек Волхов, Малый Волховец и озера Ильмень. Это было далеко от плацдарма, но благодаря этому командование фронта и 52-й армии получило возможность снять целый стрелковый полк на второстепенном участке и перебросить его на более важное направление. Но полк остался в резерве дивизии, а не был переведён к Мясному Бору.

Для освобождения Южной дороги фронт передал 52-й армии 25-ю кавалерийскую дивизию в пешем строю. Вместе с одним стрелковым батальоном 38-го стрелкового полка 65-й стрелковой дивизии и десятью танками 7-й гвардейской отдельной танковой бригады их объединили в ударную группу. Этой группе предстояло деблокировать окружённую 2-ю ударную армию.

Весь следующий день, 3 июня, авиация противника группами по 10-15 самолётов продолжала бомбить и штурмовать позиции 65-й дивизии. Самолёт-корректировщик, висевший над районом Мясного Бора и Теремца-Курляндского, направлял огонь немецкой артиллерии и миномётов по замеченным им живым целям. Потери в наших частях были весьма значительны.

38-й стрелковый полк (командир-Н.И. Кулаков) 65-й дивизии отразил две атаки противника. К исходу дня на участке 38-го полка командова-

ние 52-й армии предприняло контратаку остатками разбитого батальона 372-й стрелковой дивизии. Атака заставила неприятеля перейти к обороне по восточной опушке леса западнее Теремца Курляндского. [93]

В разгар боёв 65-ю стрелковую дивизию посетила делегация жителей Иркутской и Омской областей. Делегаты привезли подарки и письма, многие отыскивали в дивизии своих земляков и знакомых. В землянках повеяло чем-то домашним, родным. Письма писали женщины, школьники, целые рабочие коллективы. Делегация привезла письмо от трудящихся Омской области, обсуждавшееся на многочисленных собраниях. Его напечатали в армейской газете.

«Дорогие фронтовики! - говорилось в нём,-вместе с подарками примите горячую благодарность за ваши славные боевые дела. Помните, что в этой борьбе вы не одиноки – с вами весь советский народ. Вся наша социалистическая Родина! Мы стремимся дать фронту как можно больше оружия, обмундирования, продовольствия. Ничего не жалеем для вас, для победы!»

Сердца бойцов дрогнули при чтении письма учеников средней школы №1 города Иркутска: «Дорогие фронтовики! Мы с огромным вниманием следим за вашими боевыми делами. Мы, пионеры, активно помогаем фронту: собираем цветной металл, железный лом, помогаем старшим. Учимся хорошо. Мы уверены, что вы скоро прогоните проклятых фашистов с нашей земли. Смерть врагу!» Не обошлось и без трогательных сцен. В 60-м полку для получения подарка к столу подошел боец Георгий Анищенко. На груди его блестела медаль «За отвагу». Вдруг он бросился к сидевшей в президиуме Елене Нестеренко.

- Лена здравствуй!
- Георгий, ты!

Они обнялись. Оказалось они односельчане. Анищенко успел сказать землячке, что, когда увидел её за столом, то не сразу поверил, что это она. А Лена сказала, что почти каждый день видит его маму и часто читает ей его письма. В общем они наговорились вволю.

- Теперь, - сказала Нестеренко, - я передам твоей маме привет, расскажу какой ты герой, как выглядишь, как воюешь и про медаль скажу.

- Только на днях получил.

Таких встреч было много. [94]

На фронте, конечно, было не до гостей. Генерал М.С. Хозин неотлучно находился в штабе Волховской группы. Он тяжело переживал сложившееся положение на фронте, гибель тысяч людей, чувствовал свою вину и думал о возможных последствиях. С середины мая у него развился (очевидно, на нервной почве) сильный фурункулёз. Ведущий хирург А.А. Вишневский лично делал М.С. Хозину переливание крови. [95]

3 июня в 13 часов 55 минут Генеральный штаб отправил М.С. Хозину указание с упреком в медлительности и рекомендацией мобилизовать все силы для вызволения 2-й ударной армии из кольца. В директиве, в частности, говорилось: «Действия по уничтожению противника в районе Спасская Полисть и Приютино проводятся вами крайне медленно. Противник не только не уничтожается, а, наоборот, перейдя к активным действиям, преградил пути отвода 2-й уд. армии, т.к. разгадал ваш маневр по её выводу...

Попытки войск фронта пробить брешь в боевом порядке противника оказались малоуспешными. Основной причиной этого нужно считать не только медлительность ваших мероприятий, но и ввод сил по частям вместо удара всеми силами 2-й уд. армии. Вы вводите в бой соединения разрозненно, они неся излишние потери и не добившись результата, теряют в значительной мере боеспособность. Считаю необходимым рекомендовать организацию более серьёзного удара, большей частью пехоты с привлечением всей наличной артиллерии, гвардейских миномётных частей, танков и авиации. Промедление и нерешительность в этом деле чрезвычайно опасны, ибо всё это даёт противнику возможность изо дня в день сильнее закрепляться на перехваченных им путях отхода 2-й уд. армии. Василевский. Боков. №155420». [96]

Сам Хозин, безусловно, понимал, что нельзя позволить немцам закрепиться в коридоре. Именно поэтому он бросал в бой всё, что удалось «наскрести». Он не мог ждать, пока эти соединения соберутся воедино — сопротивление врага в коридоре с каждым часом возрастало. По этой же причине всё прибывавшее пополнение немедленно поступало в распоряжение атакующих частей. Можно было снять целую дивизию в 4-й (или

54-й) армии, но тогда оголялся бы северный фланг волховской группы. Значит, необходимо было время на перегруппировку сил в тех армиях. На это тоже требовалось время.

И в поисках выхода Хозин, вероятнее всего, схватился за кадровые перестановки, думая найти более способных командиров. Об этих перестановках и докладывал начальник особого отдела. Некоторые оргвыводы (как по 165-й сд), безусловно, были необходимы. Вне сомнения, штаб фронта эти перестановки осуществлял в течение определённого времени. В докладе начальника ОО НКВД Волховского фронта указано на то, что в короткий промежуток времени были заменены командир 165-й стрелковой дивизии полковник П.И. Семёнов полковником В.И. Морозовым, который был освобождён от должности командира 58-й отдельной стрелковой бригады. Но эта смена произошла 18.6.42 г. (так указано в справке, приведённой в книге «На Волховском фронте» на стр. 347); командир 372-й стрелковой дивизии полковник Д.С. Сорокин – полковником Н.И. Синегубко (по справке в той же книге на стр.351 это произошло 18.7.42 г.); командир 58-й отдельной стрелковой бригады полковник В.И. Морозов был заменён командиром 1-го батальона майором Гусак; был заменён нач. штаба 165-й стр. дивизии майор Назаров майором Дзюба; был снят и комиссар 165-й стр. дивизии батальонный комиссар Илиш. Необходимо отметить, что в этот период времени проводились и намечавшиеся боевые действия войск по освобождению коридора и не вполне верен вывод начальника ОО НКВД Волховского фронта о том, что «Хозин приостановил наступление и приступил к перемещению дивизий». Хозин бросил в бой всё, что удалось наскрести быстро по всем армиям фронта, понимая, что промедление даёт немцам большие возможности, чтобы закрепиться.

В следующем своём донесении Верховному Главнокомандующему в 18.50 часов 2 июня генерал Хозин донёс о неудаче намеченного на 2 июня удара 59-й и 52-й армий и изложил план дальнейших действий:

«На стыке 59-й и 52-й армий противнику удалось полностью перехватить пути подвоза 2-й ударной армии и соединить свои северную и южную группировки. Коридор, захваченный противником, имеет 1,5-2 км в ширину...

...Действиями 7 гв. тбр, 24-й стрелковой бригады и 2 сд с востока и 57-й стрелковой бригады совместно с двумя полками 191 сд с запада пробить этот коридор в первой половине дня 2.6.1942 г. не удалось. Силы противника в этом коридоре более полка. Авиация противника непрерывными действиями на поле боя сковывает боевые порядки наших войск.

В связи с изменением обстановки решил в первую очередь ликвидировать противника на путях подвоза 2-й ударной армии, для чего:

а) 2-я ударная армия силами двух сд и четырёх бригад наносит 4.6. удар с запада вдоль дороги Новая Кереть, Мясной Бор до соединения с частями 59-й армии:

б) восточная группировка 59-й армии усиливается 165 сд и продолжает наступление с востока на запад вдоль той же дороги». [97]

В соответствии с приказом командующего 59-й армией от 3.6.42 г. № 0023 в наступлении участвовали: 2 сд, 165 сд, 24 сбр, 546 сп 191 сд и 7 гв тбр при поддержке 943 ап 376 сд, двух дивизионов 28 огмп, 941 ап 372 сд, одной батареи 137 гап БМ и АДД в составе 8 пап и 367 пап. Войскам ставилась задача уничтожить противника на коммуникациях и выхода на р. Полисть для соединения с войсками 2-й ударной армии.

В 2 часа ночи 5 июня 2-я ударная и 59-я армии начали без артподготовки встречный бой в районе Северной дороги. К.К. Крупица в своей статье «Боевые действия 2-й ударной армии в Любанской наступательной операции» даёт довольно хорошо выверенную хронику событий. Она совпадает в отношении данных боёв со статьёй бывшего командующего Ленинградским фронтом генерал-лейтенанта М.С. Хозина «Об одной малоисследованной операции».

О действиях группы войск 2-й ударной армии, принимавших участие в этом ударе, шла речь и в предыдущей главе. Ещё раз следует отметить, что артиллерии армии не хватало боеприпасов и поэтому огневая система противника оказалась неподавленной. Тем войскам 2-й ударной армии, которым удалось форсировать р. Полисть и выйти на её восточный берег, днём 5.6.42 г., ввиду сильного перекрестного артиллерийско-миномётного огня и действия авиации противника, пришлось снова отойти на западный берег. Наступление 2-й ударной армии успеха не имело.

В некоторых источниках встречаются данные о том, что командованием 59-й армии 165-я стрелковая дивизия была введена в бой раньше назначенного срока начала наступления (3.6.42 г.). В официальном донесении инспектора Политуправления Ленинградского фронта начальнику Политуправления фронта от 5 июня 1942 г. чётко указано, что это произошло в ночь на 5.6.42 г. и что действия этой дивизии сыграли негативную роль на исход наступления.

165-я стрелковая дивизия начала формироваться на Урале в г. Кургане 20 декабря 1941 г. на базе 436-й стрелковой дивизии. [98] По воспоминаниям Н.И. Каладзе «Так сражалась 165-я стрелковая», Тбилиси, 1990 г., формирование дивизии было закончено в феврале-марте 1942 г. В её состав входили: 562-й сп – командир майор В.И. Иванов; 641-й сп – командир майор К.У. Господуров; 751-й сп – командир майор М.Д. Гордиенко; 602-й ап – командир подполковник Д.Д. Новиков; 131-й миндивизион; 199-й ОИПТД; 305-й отдельный батальон связи; 202-й отдельный сапёрный батальон и 199-я разведрота. Н.И. Каладзе также указал в книге, что дивизия вступила в бой 5.6.42 г. в районе Мясного Бора. Командиром дивизии был полковник П.И. Солёнов, а с 18.6.42 г. - полковник В.И. Морозов.

В состав Волховского фронта дивизия была передана с 28.4.42 г. по директиве Ставки ВГК № 170336. Директива предлагала командующему фронтом «Учесть, что дивизия нуждается в предварительном боевом сколачивании не менее 15 суток в резерве фронта». [99]

В докладе начальника штаба Волховской группы войск начальнику Генерального штаба Красной армии от 7 июня 1942 г. «О подготовке повторного удара 2-й ударной армии» говорилось о том, что 165-я стрелковая дивизия во втором ударе будет участвовать во втором эшелоне, т.к. она 4-5 июня понесла большие потери.

Дивизия имела в своём составе около 12000 человек, но в боях 4-5 июня потеряла 2384 человека убитыми и ранеными.

О боевых действиях 59-й армии и, в частности, 165-й стрелковой дивизии в упомянутом выше донесении инспектора Политуправления Ленинградского фронта начальнику Политуправления от 5 июня 1942 г. говорится:

«Доношу, что в 02.00 5 июня 1942 г. началось наступление... по уничтожению противника в районе Мясного Бора.

165 сд в начале боёв продвинулась на 700-800 метров вперёд, встречая сильное сопротивление противника. С самого начала наступления началась неорганизованность, плохая распорядительность командного состава.

В 14.00 начался массовый побег с поля боя бойцов, в том числе среднего командного состава, и только принятыми мерами работниками Поарма, ПУ фронта, а также отдельными командирами и политработниками дивизии был приостановлен побег с поля боя. В результате этого дивизия утратила инициативу в наступлении и отошла на исходное положение. Причинами невыполнения приказа являются:

1. Отсутствие руководства, распорядительности со стороны командира и комиссара дивизии как до боя, так и в период боя. В самый критический момент командир и комиссар дивизии оставили командный пункт полка и пошли на КП дивизии по причинам якобы вызова командующего. Но впоследствии оказалось, что их командующий не вызывал, а ошибочно об этом было сообщено. Этим самым своим уходом они способствовали непринятию мер по наведению порядка в полках и ликвидации побегов с поля боя.

2. В 14.00 18 самолётов противника около одного часа бомбили боевые порядки дивизии, а в 17.00-18.00 был сильный миномётный огонь по боевым порядкам. В результате неустойчивости полки отошли на исходное положение, неся ... потери убитыми и ранеными.

3. Заградслужба была организована плохо, что способствовало разбежаться бойцам по лесу.

4. Средний командный состав вместо борьбы с трусами, паникёрами также частично бежал с поля боя во время бомбёжки и миномётного огня, бросая свои подразделения.

Большая часть политсостава, командного состава вела себя стойко, вела бойцов в наступление под сильным ураганным огнём. За день было убито два военкома полка, два комиссара батальона, вышло из строя большинство командиров, политработников.

5. Эвакуация раненых поставлена исключительно плохо из-за отсутствия достаточного количества средств перевозки, а также из-за медленной вывозки раненых из полковых медсанбатов.

6. Особый отдел работал плохо. В период самой напряжённой обстановки начальник особого отдела Дроздов вместо энергичной организации работы своего аппарата по наведению порядка, по борьбе с дезертирами, бегущими с поля боя, ушёл во второй эшелон и к вечеру явился только по вызову на КП дивизии.

После дневного боя дивизия приводит себя в порядок, приняты меры по устранению недочётов. Весь политсостав мобилизован для восстановления положения дивизии, сбора бойцов, разбежавшихся по лесам.

В остальных соединениях (2, 191 сд и 24 осб) порядок при наступлении был гораздо лучше, но эти соединения не играли решающей роли, так как они малочисленны.

Считаю необходимым назначение следствия для привлечения конкретных виновников в совершившихся побегах с поля боя и плохой организации боя». [100]

В отношении других соединений 59-й армии, участвовавших в этой операции, во всех источниках указывается на то, что части из них совместно с 7-й гвардейской танковой бригадой к середине дня 5 июня 1942 г. удалось пробиться к берегу р. Полисть, но, как указал М.С. Хозин «2-я ударная армия из-за плохой организации боя своей задачи не выполнила». Врагу удалось ворваться в боевые порядки 2-й ударной и 6 июня опять закрыть коридор. [101]

В докладе Военного совета фронта о проведённой операции по выводу 2-й ударной армии из окружения указываются следующие причины неудачи прорыва 5 июня 1942 г. :

а) слабое управление войсками соединений обеих армий. В частности, в 165-й сд было совершенно утеряно управление, и части подверглись панике;

б) остался неподавленным хорошо организованный перекрестный артиллерийский и миномётный огонь противника, от которого наши части несли большие потери;

в) слабая организация взаимодействия между родами войск;

г) в воздухе господствовала авиация противника, которая непрерывно бомбила боевые порядки наступающих войск. [65]

Все донесения, а также воспоминания участников тех событий говорят о полнейшем господстве немецкой авиации и отсутствии наших истребителей. Это явилось одной из главных причин, приведших к срыву операции. Это сразу же отметил и Генеральный штаб Красной армии. В указании Генерального штаба начальнику штаба Волховского фронта № 155553 от 9 июня 1942 г. было сказано: «По имеющимся данным в операции 59-й и 2-й ударной армий 5.6.1942 г. по ликвидации противника в районе Спасская Полисть установлено, что на неоднократные вызовы из КП ВВС 59-й армии через ВВС фронта истребителей для прикрытия поля боя последние высланы не были, что дало возможность безнаказанно бомбардировать боевые порядки наших войск и тем самым сорвать наметившийся успех.

Необходимо: 1) Впредь увязывать действия наземных войск с авиацией, в частности, прикрытием их истребительной авиацией... БОДИН. БОКОВ». [102]

После неудачных действий 5 июня 1942 г. ударных групп, созданных командованием Ленинградского фронта для прорыва и освобождения «коридора» в районе Мясного Бора, штабом волховской группы войск была намечена и создана новая группировка сил 59-й армии для совместного со 2-й ударной армией прорыва фронта противника на р. Полисть и освобождения коммуникаций 2-й ударной армии. Операция намечалась ориентировочно на 8 июня. Начальник штаба волховской группы войск донёс о подготовке повторного удара начальнику Генерального штаба КА 7 июня 1942 г. Вот содержание этого доклада: «Докладываю:

1. Для прорыва фронта противника на р. Полисть и освобождения путей подвоза 2-й ударной армии совместный удар 59-й и 2-й ударной армии будет нанесён 8 июня. Точное время донесу особо.

2. Ударная группировка 59-й армии будет иметь:

а) первый эшелон: 2, 374 сд, 24-я стрелковая и 7-я гв. танковая бригады. Танки ввиду труднодоступной местности (только по дороге) будут служить как бы остовом боевого порядка и продвигаться за своей пехотой как подвижные огневые точки и обеспечивать боевой порядок от всяких

колебаний при контратаках противника; всего в составе первого эшелона будет 26 танков;

б) второй эшелон: 165 сд. Эта дивизия имела в своём составе около 12000 человек, но в боях 4-5 июня понесла большие потери (2384 чел. убитых и раненых). В качестве третьего эшелона подготовлена к действию в пешем строю 25 кд в составе двух полков, но на западный берег р. Волхов эти полки будут переброшены и введены в бой только в случае крайней необходимости;

в) для огневого обеспечения – три полка БМ-13, 207 орудий и 140 миномётов; созданы две группы подавления артиллерийских батарей и миномётов противника и мощная группа в руках командарма. Для непосредственной поддержки и массирования огня в ходе боя в боевые порядки пехоты выделены орудия ПА и ПТО.

3. Т. Власову приказано удерживать занимаемые рубежи и подготовить промежуточные, не допустить прорыва обороны и расчленения боевого порядка. Ввиду отсутствия у него резерва на оборонительном участке, разрешено взять для этой цели две бригады с рубежа р. Полисть, где он наносит 8 июня удар навстречу 59-й армии.

4. Вся наличная авиация будет содействовать прорыву и прикрывать войска. Управление ею непосредственно с КП командарма 59, где будет находиться со средствами управления и командующий ВВС фронта.

5. Начальник артиллерии и начальник АБТВ фронта находятся в 59-й армии с задачей организовать обеспечение боя и взаимодействие по своим родам войск. Стельмах. Рябчий». [103]

ГЛАВА 8. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВОЛХОВСКОГО ФРОНТА. БОИ ПО СПАСЕНИЮ 2-й УДАРНОЙ АРМИИ

8.1. Восстановление Волховского фронта и первые меры по прорыву окружения.

2-я ударная армия, отрезанная от баз снабжения и окружённая, испытывала нужду в продовольствии и боеприпасах. Её арьергардные соединения под давлением противника медленно отходили на восток, а авангард тщетно стремился пробить коридор. Войска 59-й и 52-й армий, растянутые на широком фронте, еле сдерживали врага, пытавшегося расширить разрыв между ними и 2-й ударной армией. Резервы отсутствовали. Предложения штаба Волховской группы войск о нанесении удара 8 июня 1942 г. не смогли быть выполнены. Ставка ВГК поняла ошибочность своего согласия с предложением командующего Ленинградским фронтом генерал-лейтенант М.С. Хозина об объединении Ленинградского и Волховского фронтов. Придя к такому выводу, она 8 июня 1942 г. в 03 часа 00 мин. принимает решение и издаёт директиву №170450 о разделении Ленинградского фронта на два самостоятельных: Ленинградский и Волховский. Ниже приведены некоторые пункты этой директивы:

«1. Разделить войска Ленинградского фронта на два самостоятельных фронта: а) Ленинградский фронт в составе... б) Волховский фронт в составе войск существующей группы...

4. За невыполнение приказа Ставки о своевременном и быстром отводе войск 2-й ударной армии, за бумажно-бюрократические методы управления войсками, за отрыв от войск, в результате чего противник перерезал коммуникации 2-й ударной армии и последняя была поставлена в исключительно тяжёлое положение, снять генерал-лейтенанта Хозина с должности командующего войсками Ленинградского фронта и назначить его командующим 33-й армией Западного фронта.

5. Отстранить от должности члена Военного совета Ленинградского фронта Тюркина как не справившегося с работой и передать его в распоряжение Военного совета Ленинградского фронта.

6. Назначить командующим войсками Волховского фронта генерала армии Мерецкова, освободив его от командования 33-й армией.

7. Утвердить в должности командующего войсками вновь выделённого Ленинградского фронта командующего Ленинградской группой генерал-лейтенанта Говорова.

Ставка Верховного Главнокомандования. И. Сталин. А. Василевский. [104]

Вот как описал это событие Маршал Советского Союза К.А. Мерецков:

«...8 июня раздался неожиданный звонок... Меня вызывал Г.К. Жуков. Он сказал:

- Срочно приезжай как есть!

...Приехал. Жуков сердится: пока нашли, сколько времени прошло. Я отвечаю, что был у солдат, в батальоне. Прибыл сразу оттуда, даже поесть не успел. Георгий Константинович засмеялся. Тоже, говорит, не обедал сегодня. Пока машину подготовят успеем поесть. Потом объясняет причину вызова. Оказывается, уже трижды звонил Сталин, требовал срочного прибытия Мерецкова. В чём дело, Жуков не знал.

Сел в машину в полевой форме, весь в окопной грязи. Не успел даже переодеться. Довольно скоро оказался в приёмной Верховного Главнокомандующего. Его секретарь Поскрёбышев тоже не дал мне привести себя в порядок и сразу ввёл в кабинет. Там в полном составе шло заседание Политбюро ЦУ ВКП(б). Я почувствовал себя довольно неловко, извинился за свой вид. Председательствующий дал мне пять минут. Я вышел в коридор, быстро почистил сапоги, снова вошёл и сел за стол. Меня стали спрашивать о делах на Западном фронте. Но это оказалось лишь предисловием, а главный разговор последовал позже.

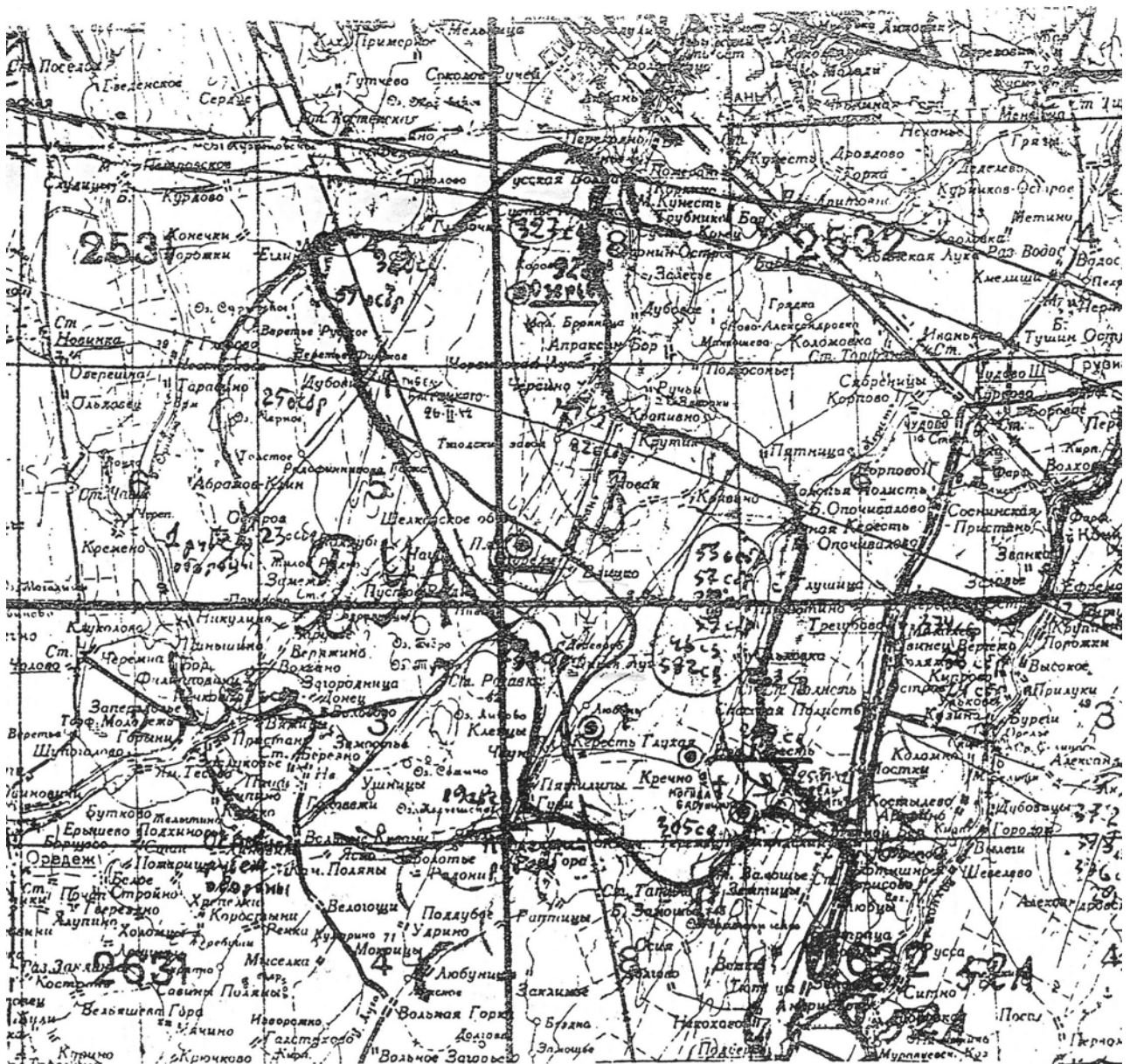
Говорил Сталин:

- Мы допустили большую ошибку, объединив Волховский фронт с Ленинградским. Генерал Хозин, хотя и сидел на волховском направлении, дело вёл плохо. Он не выполнил директиву Ставки об отводе 2-й ударной армии. В результате немцам удалось перехватить коммуникации армии и окружить её. Вы, товарищ Мерецков, - продолжал Сталин, обращаясь ко мне, - хорошо знаете Волховский фронт. Поэтому мы поручаем Вам вместе

с товарищем Василевским выехать туда и во что бы то ни стало вызволить 2-ю ударную армию из окружения, хотя бы даже без тяжёлого оружия и техники. Директиву о восстановлении Волховского фронта получите у товарища Шапошникова. Вам же надлежит по прибытии на место немедленно вступить в командование Волховским фронтом.

В тот же день мы покинули Москву и к вечеру были в Малой Вишере».[105]

Вместе с К.А. Мерецковым в штаб Волховского фронта приехал из



Фронтальная карта отвода войск 2-й ударной армии с фактическими рубежами боёв

Москвы и А.М. Василевский. К моменту их прибытия в штаб фронта 8 июня 1942 г. войска 2-й ударной армии (их западная группа) вели бои на основном рубеже обороны за Ольховку и Финёв Луг. Заслушав доклад о положении 2-й ударной армии и разобравшись в нём, они приказали немедленно пробить коридор в окружении. Они лично руководили операцией с командного пункта 52-й армии.

Наряду с конкретными действиями и личными указаниями командующим 52-й и 59-й армий по организации прорыва была подготовлена и направлена командующему 2-й ударной армии 9 июня 1942 г. директива Мерецкова № 00333/ОП о порядке вывода армии в резерв фронта. Она, не отменяя ранее отданные Ленинградским фронтом указания, всё же несколько изменяла их. В частности, вводились ещё дополнительно к назначенным полкам 2-й ударной армии три промежуточных рубежа обороны (см. карту). Ниже приводится её содержание.

«На основании директивы Ставки № 170450 сего числа вступил в командование Волховским фронтом.

Приказываю:

1. Совместным ударом с 59-й армией в 02.00 10 июня открыть и надёжно обеспечить с флангов проход на Мясной Бор.

Фланги обеспечить: а) с юга – на рубеже отм. 40,2 и отм. 43,1 силами двух бригад, 191 сд, части сил 305 сд и танковым батальоном; б) с севера – на рубеже Поляна, отм. 40,3 силами 46 и 382 сд и 53 сбр.

2. По созданию и обеспечении прохода начать планомерный отвод всех сил 2-й ударной армии в район Ямно, Лобково в резерв фронта. Для обеспечения отвода армии создать промежуточные рубежи: а) отм. 38,4 устье руч. Омутный, р. Кереть до руч. Овсянский, Малое Замошье; б) отм. 39,8 юго-восточный берег болота Михайловский Мох, отм. 40,9, Кречно(южное), отм. 43,5, отм. 47,7, истоки р. Глушица; в) по восточному берегу р. Глушица от отм. 39,8 до отм. 40,3.

3. Промежуточные рубежи занять заблаговременно: рубеж № 1 (по р. Кереть) – 949 сп 259 сд, одним полком 92 сд и 1240 сп; рубеж № 2 (между р. Кереть и Глушица) – за счёт отводимых войск; рубеж № 3 (на р. Глушица) за счёт войск 2-й ударной армии, осуществляющих прорыв на р. По-

листь. Назначить командиров, ответственных за оборону на каждом рубеже, с указанием точного времени занятия рубежа и сроков обороны на нём.

4. После отвода войск армии за рубеж № 3 иметь в виду отвод прикрывающих войск за основной оборонительный рубеж по восточному берегу р. Полисть, который будет подготовлен и занят войсками 59-й армии.

5. Все выводимые войска 2-й ударной армии на рубеж железной дороги будут встречаться командирами штаба фронта и по их указаниям направляться в отведённые войскам районы сосредоточения.

6. Особо предупреждаю Военный совет 2-й ударной армии о персональной ответственности за планомерность и чёткость проведения операции по выводу войск армии в резерв фронта. Принять все меры к тому, чтобы все войска выходили организовано в составе своих частей и подразделений, чтобы всё оружие, вся боевая техника и всё военное имущество были выведены и вывезены с оставляемой территории. Ничего врагу не оставлять. Предупредить об ответственности за военное имущество и боевую технику всех командиров и комиссаров частей.

7. Одновременно с отводом арьергардов провести заграждение, обратив особое внимание на разрушение дорог.

8. Лично Вам руководить операцией войск 2-й ударной армии по прорыву, очищению прохода и обеспечению его флангов в пределах поставленной задачи. Руководство подготовкой промежуточных рубежей, контроль за своевременностью занятия их войсками прикрытия и обороны на них в пределах установленных Вами сроков персонально возложить на заместителя командующего армией генерал-майора Алферьева.

9. Особое внимание уделить организованному выводу населения, не допуская движения населения с войсками и в составе войсковых колонн. Назначить ответственных командиров за организацию вывода населения.

10. В вопросах связи и взаимодействия с 59 А, со штабом фронта и родами войск руководствоваться высланной вам штабом фронта таблицей взаимодействия.

11. По выводу войск в назначенный район КП армии развернуть в районе Ямно.

12. Получение подтвердить. План действий представить не позднее 10.00 10 июня 1942 г.

Командующий войсками Волховского
Фронта – генерал армии МЕРЕЦКОВ
Член Военного совета фронта
Армейский комиссар 1 ранга ЗАПОРОЖЕЦ
Начальник штаба фронта
Генерал-майор СТЕЛЬМАХ [106]

По мнению автора К.А. Мерецков не смог сразу подробно разобраться в фактическом положении во 2-й ударной армии. В частности, в её материально-техническом обеспечении. В армии уже фактически не было горючего для автотранспорта. Горючее могло только в незначительных количествах забрасываться самолётами наряду с продовольствием и боеприпасами. Практически в армии уже не было и простой "лошадиной" тягловой силы. В приведённой выше директиве, несмотря на указания, данные т. Сталиным в Ставке о выводе армии из окружения даже без тяжёлого оружия и техники – Мерецков пока не допускал мысли о возможности их уничтожения. В директиве говорилось: «Предупредить об ответственности за военное имущество и боевую технику всех командиров и комиссаров частей».

Имевшиеся в наличии стрелковые соединения были обессилены предыдущими боями или не обладали достаточным опытом ведения наступательных боёв в сложных условиях обстановки и местности. При таком положении успех мог быть достигнут лишь при сборе всех сил и организации одновременного удара войск 59-й и 52-й армий с востока, а 2-й ударной армии с запада. Командующий фронтом, как никто другой, понимал это и нацеливал на это командующих армиями. В то же время он с Василевским приняли совсем другое решение. В тех условиях, как видимо, пересилило все знания желание сократить противнику время для более сильного укрепления своей обороны возведением дополнительных оборонительных сооружений. Возможен и вариант предположения ими, что просочившихся немецких войск в горловине не так уж и много.

Организуя прорыв немедленно, К.А. Мерецков и А.В. Василевский смогли собрать весьма незначительные силы, которые к этому моменту были собраны штабом волховской группы войск. В отчёте Военного совета фронта о проведении операции по выводу войск 2-й ударной армии из ок-

ружения указывается, что в операции 10 июня принимали участие: 24 сбр, 546 сп 191 сд, 2 сд, 374 сд, 165 сд, 372 сд, 58 сбр и 7 гв. тбр. Для подавления миномётных батарей противника были созданы две группы артиллерии в составе 827 гап, 6 гв. ап (52 армия) и двух дивизионов 561 пап. Кроме того, для подавления артиллерии противника действовала группа АДД в составе 8 гв. ап и 267 пап (см. приказ 59 армии № 0034 от 7.6.42 г.).

Оперативной сводкой 16 июня 1942 г. штаб Волховского фронта доложил, что 59-я армия указанными выше группировками после мощной артиллерийской обработки переднего края и при поддержке огня танков с места в 2 часа 30 мин. 10 июня перешла в наступление для уничтожения противника, занявшего коммуникации 2-й ударной армии. Наступающие части подверглись мощным артиллерийско-миномётным налётам. Немецкая авиация группами до 10 самолётов подвергла бомбардировке боевые порядки войск 59 армии, а также район Мостков и Любино Поле.

2-я ударная армия силами восточной группировки в то же время перешла в наступление с рубежа р. Полисть в восточном направлении.

65-я стрелковая дивизия 52-й армии частью сил во взаимодействии с южной группировкой 59-й армии наступала вдоль Южной дороги на запад.

Наступательные действия войск фронта существенных результатов по ликвидации противника на путях отвода войск 2-й ударной армии не принесли. [107]

Как указано выше, наступление, начатое 10 июня, развития не получило. Противник, обладая превосходством, особенно в авиации оказывал упорное сопротивление. Из всех соединений, принимавших участие в этой операции, только 29-я танковая бригада представляла собой наиболее боееспособный организм. Стрелковые соединения или были обессилены предыдущими боями, или не обладали достаточным опытом ведения наступательных боёв в сложных условиях.

Сам К.А. Мерецков в своих воспоминаниях об этом ударе написал довольно коротко: «К деревне Мясной Бор подошли из состава 52-й и 59-й армий три стрелковые бригады и вышеуказанный танковый батальон. Их свели в две группы и на рассвете 10 июня они нанесли удар по противнику, но успеха не имели из-за малочисленности собранных сил и поспешно-

сти подготовки. К тому же вражеские пикировщики засыпали нашу пехоту бомбами». [108]

Следует уточнить, что от 7-й гв. танковой бригады успел подойти и был задействован один батальон неполного состава (всего 5 танков Т-34 с небольшим десантом автоматчиков из мотострелкового батальона). Остальные танки ещё не успели подойти. Этот батальон ввели в бой с задачей нанесения удара вдоль Южной дороги и дороги Мясной Бор - Новая Кересть. Им была поставлена задача соединиться с частями 2-й ударной армии по р. Полисть.

Танкисты действовали смело, напористо, согласованно. Без задержки прошли через все оборонительные линии противника и вышли к р. Полимть. Но наступавшие вслед за танками стрелковые подразделения отстали от танкистов и достигнутый танкистами успех некому было закрепить.

Более суток танкисты вели бой с гитлеровцами в ожидании стрелковых подразделений. Когда стали подходить к концу боеприпасы, они возвратились на исходные позиции, не понеся потерь. [109]

Начальник штаба Волховского фронта 11 июня 1942 г. доложил в Генеральный штаб Красной Армии о безуспешных действиях войск по восстановлению положения юго-западнее Мясного Бора:

«1. Сегодня боевые действия войск фронта происходили в прежних направлениях 2-й ударной и 59-й армией. Каких-либо существенных результатов по ликвидации противника на путях отвода 2-й ударной армии войска не добились.

2. 2-я ударная армия 11 июня 1942 г. продолжала бои в районе Ольховка, Любань, Глухая Кересть, р. Полисть и удержала свои позиции. В ночь на 11 июня 1942 г. ночными истребителями противника сбито 3 транспортных самолёта «Дуглас» и четыре самолёта У-2.

3. Командующий фронтом и товарищ Василевский находятся на ВПУ 59-й армии в районе Мясного Бора.

СТЕЛЬМАХ. РЯБЧИЙ.» [110]

Командующий фронтом и Политуправление фронта, понимая значение морального духа, твёрдости и решимости воинов в выполнении своих задач в столь критическом положении армии, принимают все меры к их укреплению.

Военный Совет фронта 9 июня обращается с указанием к Военному Совету 2-й ударной армии, в котором было сказано:

«Директивой фронта №00333/оп на Вас возложена исключительно важная задача, за выполнением которой лично следит товарищ Сталин. Операция, выполняемая Вами, будет проведена и завершена успешно только тогда, когда каждый командир и политработник будут на своих местах, будут жёстко держать подчинённые войска в своих руках, будут спокойно, твёрдо и уверенно управлять ими.

Всеми мерами, не считаясь ни с чем, не допускать возникновения паники. И, наоборот, всех бойцов, командиров и политработников, отличившихся в деле организации и осуществления отвода войск, брать на учёт и немедленно представлять к правительственной награде...

Мерецков, Запорожец, Стельмах. [111]

13 июня Военный Совет и Политуправление Волховского фронта выпустили в виде листовки обращение к воинам 2-й ударной армии с разъяснением положения армии.

Ответственный секретарь армейской газеты «Отвага» В.А. Кузнецов получил это обращение в свои руки именно 13 июня 1942 г. от редактора газеты для опубликования в газете. В своей книге «Моя книга памяти» он приводит фотографию этой листовки.

Это обращение вышло в самые тяжелые дни Любанской операции, и она тогда оказала огромное мобилизующее и нравственное воздействие на воинов армии. Вот выдержки из этого обращения:

«...Мужественно и бесстрашно в течение суровой зимы и весны, вели вы борьбу с фашистскими захватчиками.

Боевая слава воинов 2-й ударной армии золотыми буквами запечатлена в истории Великой Отечественной войны.

Сейчас, когда потребовала обстановка, по приказу командования фронта, армия занимает новые, более выгодные рубежи для обороны и наступления, чтобы ещё крепче, ещё сильнее бить врага, уничтожать его живую силу и технику, срывать его планы. Организованно занимая новые рубежи, 2-я ударная армия одновременно наносит сокрушительные удары по врагу. Тысячи немцев кормят могильных червей под Красной Горкой, Червино, под Дубовиком и Еглино...

...От каждого воина 2-й ударной армии требуется величайшая дисциплинированность и организованность. Каждый боец должен сражаться отважно, держаться непоколебимо, быть готовым скорее погибнуть смертью храбрых, чем не выполнить свой воинский долг.

Товарищи бойцы, командиры и политработники 2-й ударной армии! Ни минуты успокоенности и благодущия...» [112]

Дневник Кузнецова - правдивый рассказ о событиях более чем полувековой давности. Он показывал тех, кто его окружал. Неоднократно перечитывая его книгу - его личный подарок мне, как непосредственному участнику Любанской операции, - я вижу только правду в этих немудрёных записках и в комментариях к ним.

Комментируя в своём дневнике это обращение Военного совета Волховского фронта, Кузнецов пишет:

«Военный совет фронта призывал бойцов, командиров и политработников армии вести решительную борьбу с трусами и паникёрами, распространителями провакационных слухов. Вряд ли, однако, в этом возникает реальная потребность. Трагические обстоятельства до конца вскрывают духовные и нравственные качества человека. Мне ещё никогда не приходилось встречаться с такой строгостью и подтянутостью, которые особенно характерны для всех в эти дни. Словно бы каждый принял в своей душе твёрдое решение, которое не может быть ни пересмотрено, ни отменено...» [112]

В последующие дни положительных изменений положения войск в нашу пользу не произошло ввиду сильного огня противника и поступления к нему резервов.

За последние дни авиаразведкой было установлено выдвижение противника из Бабино через Апраксин Бор в район Ольховки, откуда противник пытался действием вдоль реки Кересть расколоть боевой порядок 2-й ударной армии. Положение армии оставалось исключительно серьёзным, тем более, что действиями 59-й и 52-й армий не удалось пробить проход на коммуникациях 2-й ударной армии. В этой связи командующий фронтом приказал командующему 54-й армии:

«В целях отвлечения на себя противника подготовить 14 июня 1942 г. на фронте Кородыня, Дубовик (на 3-4 направлениях одновременно) де-

монстрацию наступления, для чего использовать местные войска, поддерживав их сильным огнём артиллерии и миномётов. Крупных перегруппировок не производить.

План намеченных мероприятий представить не позднее 20.00 13 июня 1942 г. Заявку на покрытие расходов боеприпасов представьте 13 июня 1942 г.» [113]

Командующий 59-й армией, сознавая, что в перехвате противником коммуникаций 2-й ударной армии повинна в первую очередь его армия, так как противник прорвался через её боевые порядки, принимал все меры, чтобы восстановить прежнее положение. Не дожидаясь организации общего удара, а также и потому, что на него нажимал Мерецков, 16 июня бросил в бой только что подошедшие пять танков 29-й танковой бригады, а также подразделения 24-й стрелковой бригады.

Танки, несмотря на малочисленность, начали успешно продвигаться вперёд. Но пехота сразу же отстала. Противник открыл настолько плотный огонь из автоматического стрелкового оружия и миномётов, что невозможно было поднять головы. Для танков этот огонь не представлял серьёзного препятствия, для пехоты же являлся непроходимым. И атака сорвалась. Штаб фронта по поводу подготовки этой операции донёс в Генеральный штаб КА 15 июня 1942 г. в 24.00 «3. Войска 59-й и 52-й армий 15 июня существенных результатов в прорыве оборонительной позиции противника не добились и имели лишь успехи местного значения в районе второй просеки с отм. 40,5. В течение дня войска приводили себя в порядок, пополнялись и готовились к новой атаке в 11.00 16 июня 1942 г. Для этой цели дополнительно привлекается один батальон 29 тбр, сосредоточенный в лесу 4 км восточнее Мясной Бор...» [114]

На второй день 17 июня командующий армией решает расширить фронт наступления и вводит в бой уже четырнадцать танков и стрелковые подразделения 374-й стрелковой дивизии. И снова неудача. Причины всё те же. Пехота не смогла преодолеть огневую завесу противника и отстала. Танки, не видя за собой пехоты, вернулись в исходное положение.

Генерал Коровников, хотя и был обескуражен неудачей, всё же продолжал настойчиво бросать войска на прорыв. Сражения на коммуникациях 2-й ударной армии не утихали ни на час.

А когда над окутанным дымом, порубленным снарядами и бомбами лесом, спускалась короткая, по северному прозрачная ночь, начинали действовать наши ночные бомбардировщики. Эти небольшие, почти беззащитные самолёты-труженики, сыграли огромную роль в обеспечении 2-й ударной армии продуктами, медикаментами, боеприпасами. С начала операции лётчики доставили для войск армии 1700 тонн грузов и вывезли сотни раненых бойцов и командиров. [115] Наши транспортные самолёты против истребителей люфтваффе были беззащитны. Но спасали их малая скорость, возможность маневрировать у самой земли и летать даже под кронами деревьев. Многие лётчики при этом проявили высокое мужество и мастерство. Именно среди них летали молодые лейтенанты И.М. Охрименко, В.В. Потапов, Б.И. Арбузов из 674-го лёгкобомбардировочного полка, которым командовал майор Сонин. Особо отличался командир эскадрильи лейтенант Чиханков.

§ 8.2. Боевые действия 2-й ударной армии после 14.06.1942 г.

Во время описываемых боёв в коридоре у Мясного Бора не прекращались бои и на рубеже Ольховка, р. Рогавка, Финёв Луг, на который отошли войска 2-й ударной армии.

После продолжительных бомбардировок и артиллерийского обстрела этого рубежа немецкие войска к 14.06.42 г., действуя со стороны Замошского болота во фланги и стыки 19-й гвардейской и 327-й стрелковых дивизий прорвали нашу оборону. Они полностью захватили район Финёва Луга и вышли в тыл 327-й дивизии.

С потерей Финёва Луга дальнейшее удержание данного рубежа стало бессмысленным и командование 2-й ударной армии разрешило войскам 15 июня отойти на промежуточный рубеж по линии ручей Омутной, река Трубица, Глухая Кереть.

Распоряжением командующего фронтом, для координации действий соединений войск западной группировки армии, был назначен зам. командарма-2 генерал-майор Алферьев, которому была выделена группа работников различных отделов штаба 2-й ударной армии.

Промежуточный рубеж по линии Ручей Омутной, р. Трубица, Глухая Кересть не являлся столь выгодным с точки зрения естественных условий, чем предыдущий. Однако он имел преимущества тактического порядка. Он позволял сдерживать противника от проникновения в тылы армии, где была сосредоточена техника и в то же время сохранилась ещё и авиаплощадка в районе Новой Керести.

Рубеж обороны заранее подготовлен не был. Укрепления строились в ходе отражения атак врага, который продолжал наращивать усилия. В дополнение к действующим на этом направлении войскам гитлеровское командование перебросило спешно 291-ю пехотную дивизию из района Каменка, Глубочка, Дубовик, которая наступала от Ольховки на Новую Кересть. Вся группировка противника насчитывала в общей сложности до четырёх пехотных дивизий и поддерживалась 50 танками и значительным количеством авиации. [116]

Начальник штаба Волховского фронта 15 июня 1942 г. в 24.00 представил в Генштаб Красной Армии донесение №10/777, в котором сообщал, что существенных перемен в положении войск 59-й, 52-й и 2-й ударной армий за сегодняшний день не произошло, а также о том, что «...основная группировка их войск находится под непрерывным воздействием авиации противника, бомбардирующей и штурмующей группами самолётов от 10 до 15 штук боевые порядки войск, вторые эшелоны, артиллерию и узлы управления. За сутки авиацией противника сделано 587 самолёто-вылетов.

2. Войска 2-й ударной армии напрягают все усилия, чтобы сдержать наступление противника силою до двух пехотных дивизий с 50 танками (254 и 291 пд) со стороны Ольховка, Финёв Луг и успешно отразить в первой половине дня атаки противника на ручей Омутной, в районе отм. 37,8, 38,5 и 44,8. В восточной группировке армии местного успеха добилась 382 сд, части которой к 22.00 14 июня с боем вышли на лесовозную дорогу восточнее отм. 40,3 и продолжают там свои действия...» [117]

Надо было удержаться здесь, чтобы защитить тылы армии, где скопились техника и тяжёлая артиллерия на механической тяге. Ждали бензовозов с востока. Да и посадочная площадка в Новой Керести продолжала пусть и крохами, но кормить армию, вывозить малую толику раненых.

Воины армии, изнурённые длительными боями, плохо питаюсь и не имея достаточного количества боеприпасов, не пали духом, не сложили оружия. Казалось откуда брать силы бойцам и командирам 2-й ударной армии, изнывая в муках голода, истекая потом в июньскую жару в зимнем обмундировании, продолжать драться с превосходящими силами противника? Они отражали атаки врага, экономя патроны и гранаты, нередко переходя в штыковой бой.

Ответственный секретарь армейской газеты «Отвага» В. Кузнецов в своём дневнике записал: «... 11 июня. Пожалуй, голод мучительнее бомбёжек и обстрелов. Мне рассказывали, как ослабленные истощением многие воины уже не могут подняться с земли и все же ведут огонь из автоматов и пулемётов, отбивая противника, бьются до последнего вздоха. Чем же измерить силу духа и стойкости нашего народа! Нет, не только жёсткие пункты воинского устава руководят поступками воина в эти минуты. Ведь он уже не боится смерти, он знает, что почти уже мёртв, и жива в нём сейчас только ненависть к врагу, только мысль, что он может остановить ещё одного, ещё одного, ещё...» [118]

Командование армии несколько раз докладывало штабу фронта об отсутствии продовольствия. Член Военного Совета 2-й ударной армии дивизионный комиссар И.В. Зуев в донесении от 19 июня 1942 года члену Военного Совета фронта армейскому комиссару 1 ранга А.М. Запорожцу писал: «Сегодня авиация продовольствия не доставила. На 19.6.42 ни одного грамма продовольствия. Многие от истощения вышли из строя...» и заключает: «Настроение людей здоровое. Части дерутся прямо героически». [119]

Через два дня, 21 июня, И.В. Зуев вновь напоминает А.И. Запорожцу о тяжелом положении армии.

«Войска армии, - говорится в донесении, - три недели получают по 50 г. сухарей. Последние три дня продовольствия совершенно не было... Люди до крайности истощены... Боеприпасов нет.

Обстановка на западе и севере угрожающая. Войска с трудом сдерживают непрерывно нарастающие атаки противника за счёт оставления территории. Только героическое сопротивление частей спасает положение. Восточная группировка малочисленна и небоеспособна для прорыва.

Военный Совет просит немедленно принять меры по прорыву с востока до р. Полисть и подаче продовольствия». [120] Одновременно в донесении говорилось о стойкости бойцов, командиров и политработников, которые, отбивая атаки противника, наносили ему огромные потери. [121]

Старший лейтенант П.П. Дмитриев из 894-го полка 327-й дивизии вспоминал: «Постоянно мучил голод. С 30 мая и до 22 июня я, как командир получал официальный паёк-5 граммов горохового концентрата и 13 граммов сухарей. От этого пайка, от травы и липовых листьев, из которых готовили варево, и болотной воды я за это время трижды опухал... Красноармейцам полагалось ещё меньше... К чести офицеров дивизии, все получаемые продукты они отдавали в общий котёл и наравне с бойцами переносили муки голода».

В «докладной записке о срыве боевой операции по выводу 2-й ударной армии из вражеского окружения» начальника особого отдела НКВД Волховского фронта старшего майора госбезопасности Мельникова на имя Зам. наркома внутренних дел Союза ССР Абакумова от 6 августа 1942 г. читаем: «С 12.6. по 18.6. 1942 года бойцам и командирам выдавалось по 400 г. конины и 100 г. сухарей, в последующие дни выдавалось от 10 г. до 50 г. сухарей, в отдельные дни бойцы продуктов не получали вообще. Что увеличило число истощённых бойцов, и появились случаи смертности от голода».[123]

В дальнейшем немцы были намерены овладеть районом Новой Керести, чтобы лишить окружённую армию последней авиаплощадки, которая могла бы быть использована для хотя и небольшой, но подпитки наших войск.

В полосе обороны 23-й стрелковой бригады противник по-прежнему силами полка полицейской дивизии «СС» и двух батальонов 278 пп 93 пд пытался пробиться через её позиции. Немцы ни разу не прорвались через её рубежи. Лишь отдельным небольшим отрядам противника удавалось просачиваться и выходить в тыл обороны бригады. Но с ними бойцы бригады справлялись.

В полосе 327 стрелковой дивизии немцы свои основные действия направляли на Глухую Кересть с целью выхода в район Новой Керести. В наступлении, кроме ранее действовавших частей на этом участке прини-

мали участие три отдельных ополченческих батальона. Перед фронтом 305 сд в район Большое Замошье подошли подразделения 250-й испанской дивизии и происходила перегруппировка легионов «Фландрия» и «Нидерланды». Перед фронтом 259 и 267-й стрелковых дивизий особых изменений в группировке и действиях противника не произошло.

В полосе действий противника на этом рубеже обороны была выявлена организация отрядов автоматчиков, усиленных лёгкими миномётными установками. К этому гитлеровское командование вынудили огромные потери при прорывах обороны наших соединений. Только с 9 по 13 июня полки 92-й дивизии полковника Ларичева уничтожили тысячу двести гитлеровских солдат, восемнадцать танков и четыре самолёта. На других участках урон противнику был нанесён не меньше. [124]

По фронту немецкое командование усилило удары артиллерии и бомбардировочной авиации. Отмечалось по 180-200 самолёто-вылетов в течение дня.

Для сдерживания напора противника и недопущения второго кольца окружения командование 2-й ударной армии выдвинуло в помощь 92-й и 327-й стрелковым дивизиям на позиции севернее Новой Керести 949-й стрелковый полк 259-й дивизии и 1100-й стрелковый полк 327-й дивизии и один стрелковый полк 19-й гвардейской стрелковой дивизии. С левого фланга расположились остатки 1102-го полка.

Хотя эти полки были также ослаблены, их совместные усилия с войсками 92-й и 327-й дивизией затормозили продвижение фашистов, которые наносили удар именно с севера на Новую Кересть, стремясь расчлнить оставшиеся в окружении части 2-й ударной армии.

Как уже отмечалось, авиация фронта 15 июня разгромила фашистскую автоколонну у Финёва Луга и танки противника у Ольховки. Это дало нашим войскам небольшую передышку. Но уже 17 июня противник начал проводить артналёты, а 18 июня возобновил методичный обстрел из орудий и миномётов.

Полки 2-й ударной армии зарывались в землю, цепляясь за каждую рощу и выгодную высотку. В 92-й стрелковой дивизии командиры 317-го полка майор Васильев и 22-го полка майор Кошкин объединили в сводные роты всех, кто мог вести огонь из стрелкового оружия. Все воины от ко-

мандира полка до рядового красноармейца находились на передовой в окопах.

Хорошо помогали стрелковым подразделениям дивизионные и полковые сапёры. Они строили ДЗОТы и заграждения, ставили минные поля, препятствия, завалы, огнём из винтовок и пулемётов уничтожали захватчиков. Их действиями руководили командиры рот капитаны Н.И. Круглов и А.И. Бородкин, а также лейтенант П.М. Атучин.

Именно на этом рубеже П.М. Атучин предложил установить противотанковые мины натяжного действия прямо под носом у немцев. Ночью с группой бойцов он подполз к позициям фашистов и расставил мины. Все сапёры группы вернулись к себе в оборону. А рано утром обманутые затишьем с нашей стороны гитлеровцы подорвались на минах. Долго слышались взрывы и крики вражеских солдат. Наступление фашистов на этом участке было сорвано.

П.М. Атучин воевал умело и грамотно. Колхозник из деревни Букино Кемеровской области, Пётр Атучин в начале 30-х годов был призван в армию и прошел хорошую боевую школу в войсках Дальнего Востока. Участвовал в боях на озере Хасан. В июне 1941 г. ему было присвоено звание старшины. В любых условиях он проявлял заботу о бойцах, но был и требователен к ним. На фронте П.М. Атучин стал командиром сапёрной роты, получил звание лейтенанта. Лейтенант Атучин и его сапёры продолжали создавать заграждения.

Начальник артиллерии 203-го полка старший лейтенант Н.А. Пешков с группой красноармейцев только в течение одного дня перед Новой Керестью подбили и сожгли пять танков. Дальневосточники, затаившись в окопах, подпускали фашистские танки почти вплотную и бросали в них бутылки с зажигательной смесью и связки гранат. Танки выходили из строя. Но гибли и наши воины. Жертв было много. Но каждый считал своим долгом нанести врагу как можно больше потерь, и это стремление ещё теснее сплачивало остатки рот.

После отхода на рубеж реки Кересть 92-й стрелковой дивизии перед ней со стороны Ольховки вновь появились танки... На Керести имелся деревянный мост, но тяжелые танки он не мог выдержать, и пять немецких танков ползали по западному берегу, не рискуя форсировать болотистую

реку. Вскоре могла подойти и пехота противника. Надо было взорвать мост и истребить танки. Выполнение задачи поручили командиру сапёрного взвода старшему лейтенанту Я. Ершову. Вместе с командиром роты 96-го отдельного сапёрного батальона Н.И. Кругловым он отыскал в лесу кем-то оставленные два противотанковых ружья и к ним около 30 патронов, а также станковый пулемёт «Максим» с тремя снаряженными лентами. Из ружья Я. Ершов в этот же день подбил два танка. Вечером они разрядили миномётные мины, чтобы добыть взрывчатку, за ночь заминировали мост и на рассвете взорвали его.

Однако противник форсировал Кереть в другом месте, и немецкие автоматчики прорвались к командному пункту дивизии. Два полка немцев с 20-30-ю танками при поддержке авиации атаковали 92-ю дивизию с правого фланга и тыла со стороны Ольховки. Наши воины взорвали и сожгли 6 танков и 5 танков подбили, но враг всё-таки прорвался и захватил позиции дивизии.

Правый фланг и центр последнего рубежа по реке Кереть оказался прорван противником. Удержались только 19-я гвардейская дивизия на крайнем левом фланге и 23-я бригада. На правом же фланге и в центре 92-я и 327-я дивизии, неся большие потери, медленно отходили к главным силам. Для прикрытия рубежа по Керести штаб армии срочно сформировал отряд из 1,5 тысяч оставшихся без орудий артиллеристов, связистов, бойцов тыловых подразделений. В это время с востока к окружённым продолжали пробиваться 52-я и 59-я армии. Накал боя западнее Мясного Бора достиг высшего напряжения.

17 и 18 июня группы по 18-20 вражеских самолётов непрерывно бомбили и обстреливали с воздуха наши войска. Тем не менее, 17 июня артиллерия 52-й армии подавила три немецкие артбатареи у Земтиц и Копцов. 18 июня авиация дальнего действия взорвала немецкой склад боеприпасов и разбомбила батальон противника западнее Копцов.

Вечером 18 июня стало ясно, что 165-я дивизия в боях за коридор исчерпала свои возможности. Её участок приняла 25-я кавалерийская дивизия, а 165-я перешла к обороне на первой просеке между Северной и Южной дорогами. Другие соединения ударной группы 52-й армии также понесли значительные потери и приостановили наступательные действия.

Утром 19 июня наступление начала 59-я армия. Для развития успеха ей передали 25-ю кавдивизию. Наступали 24-я стрелковая бригада и 374-я стрелковая дивизия совместно с танками 29-й танковой бригады. Впереди шли 11 танков 29-й танковой бригады. Встречный удар из кольца наносили 46-я стрелковая дивизия, 25-я и 57-я стрелковые бригады. Первыми, кого встретили танкисты 29-й тбр., были бойцы 314-го стрелкового полка 46-й стрелковой дивизии. Героями дня прорвавшими вражескую оборону были командир роты танков Т-34 лейтенант М.С. Азарёнок, стрелок-радист-старший сержант С.И. Крауз, механик-водитель сержант К.Г. Лавренчук, командир танка лейтенант Л.И. Лазаренко, башенный стрелок сержант В.Н. Обухов, командир танка лейтенант С.Г. Почтаренко, военный комиссар роты старший политрук В.К. Птушкин, командир танка Т-34 лейтенант Силаев, командир башни сержант В.К. Терентьев и многие другие. Каждый из них был отмечен высокой наградой - орденом Красного Знамени. [125]

Отважно действовали бойцы взвода танко-десантной роты под командованием лейтенанта И.П. Антонюк. Они добивали оставшихся в живых гитлеровцев и защищали танки от нападения последних. В критические моменты, когда танкисты нуждались в помощи, чтобы вывезти танк из болота и произвести его ремонт, десантники занимали круговую оборону и обороняли танк. Бои носили сложный быстро меняющийся характер. Перед танками возникали вражеские противотанковые орудия, гитлеровцы с противотанковыми гранатами и минами. И пехота, сидящая на броне, быстрее всё это замечала и предупреждала танкистов. Пехота вместе с танками прошла через вражескую оборону и вошла в контакт с войсками 2-й ударной армии. При этом отличились автоматчики И.С. Аверьянов, М.А. Комарин, М.Ф. Кудашкин, сержант Лимарёв, С.И. Подкосов и другие. Все автоматчики во главе со своим командиром были награждены орденами Красного Знамени. [126]

Сложные условия наступления требовали огромной энергии, выдумки и мужества работников службы эвакуации и ремонта. Все кто был связан с этими обязанностями, от кого зависело быть или не быть танку в боевом строю, отдавали все свои силы и свою энергию. В этом отношении не лишним будет упомянуть воентехника 1 ранга Г.Е. Крапивина - коман-

дира ремонтного взвода. За короткий срок (с 25 апреля по 29 июня) взвод вернул в строй один танк «КВ», 32 танка Т-34 и 16 колёсных машин, при этом большинство из них восстанавливалось на передовой.

Выход танков на западный берег р. Полисть ещё не означал, что коммуникации 2-й ударной армии восстановлены. Но танкисты совершили главное. Они смяли ударную группировку противника и уничтожили возведённые ею оборонительные сооружения. Одиннадцать танков, пройдя вдоль узкоколейки, оставили раздавленные блиндажи и ДЗОТы, превращенные в железный лом орудия и пулемёты. Но коридора, по которому можно было бы начать вывод войск 2-й ударной армии, всё не было.

Часть воинов 46-й дивизии вырвалась из окружения, но развить успех не хватило сил. - Закрепить коридор оказалось некому. - Люди бросились в него толпой, думая о спасении, а не создавая какую-либо оборону пробитого коридора. Прочность немецкой обороны поддерживалась громадным превосходством врага в авиации. Она господствовала над районом Мясного Бора. Вражеские автоматчики вслед за танками вновь просачивались на дорогу и, цепляясь за неё, вступили в бой с нашими стрелковыми подразделениями. [127]

В течение 19, 20 июня и первой половине 21-го по всей трассе кипел непрекращающийся бой.

20 июня 8-й и 11-й гвардейские стрелковые полки 4-й гвардейской стрелковой дивизии были выведены из резерва фронта и срочно брошены к Мясному Бору пробивать коридор. Вместе с ними отправились 1-я, 3-я и 6-я батареи 3-го гвардейского стрелкового полка дивизии, который сам всё ещё оставался в окружении. [128]

Командарм – 2 А.А. Власов приказал собрать всех артиллеристов, у которых не осталось снарядов, и влить их в 3-й гвардейский полк. 600 чел. пополнения позволили довести состав полка до 800 активных штыков. После войны командир полка А.В. Слепко в «Объяснительной записке» в партийные органы о причине своего пленения отмечал: «Это была самая сильная часть в армии. В других соединениях, например, в 46 сд 21 июня было около 80-и штыков, аналогично в других частях и соединениях...» [129]

В ночь на 21 июня самостоятельную попытку пробиться из окружения предприняла 305-я стрелковая дивизия. Она нанесла удар севернее Большого Замошского болота, но прорваться к южной дороге не смогла.

§ 8.3. Штурм и организация первого прохода для вывода 2-й ударной армии из окружения

Утром 21 июня части 52-й и 59-й армии возобновили атаку с правого фланга 165-й дивизии. Через вражеские позиции пробивались 7-я гвардейская танковая бригада, 2-я (прибыла на фронт в апреле 1942 г., с мая в составе 52-й армии), 65-я и 374-я стрелковые дивизии и пополненная 24-я стрелковая бригада. Вместе с 327-й дивизией сражался отряд в 200 чел. из 169-й дивизии. Фронт собирал для прорыва всё, что мог. В бой ввели 25-ю кавалерийскую дивизию. Вслед за ней в пешем строю 87-ю кавалерийскую, остатки которой свели в два полка.

Навстречу им от реки Полисть вдоль узкоколейки во второй половине дня 21 июня ударили танки 29-й танковой бригады со 176-м стрелковым полком 46-й стрелковой дивизии. Танки этой бригады, прорвавшиеся на запад, вновь проутюжили дорогу, но теперь уже в обратном направлении. ДЗОТы и укрытия, восстановленные гитлеровцами за эти дни, вновь были раздавлены, а дорога покрылась трупами вражеских солдат и офицеров, скошенных метким огнём пулемётов и автоматов.

Тяжёлые бои продолжались весь день. Противник любой ценой пытался удержать коммуникации 2-й ударной армии в своих руках. Но напористость наших частей не знала границ. В едином порыве они отбросили вражеских солдат и образовали цепь вдоль узкоколейки и Северной дороги - проход шириною 300-400 метров. Тотчас началась эвакуация раненых и больных бойцов и офицеров 2-й ударной армии. Им предстояло преодолеть несколько километров. Но каких километров? Вдоль всей трассы рвались снаряды и мины, густыми роями жужжали пули. То и дело появлялись пикировщики, и тогда взрывались бомбы, и взрывная волна от них качала воздух. Вот в этом аду, предпочитая смерть плену, шли раненые советские воины. Шли упорно, настойчиво, помогая друг другу и санитарам нести тяжело раненых. В течение дня были эвакуированы почти все ране-

ные, свыше 2000 человек. [130] Кавалеристы развернули фронт на северо-восток и прикрыли горловину. Командование фронта немедленно направило через коридор на людях и лошадях продовольствие для 2-й ударной армии. Навстечу хлынули подразделения окруженных частей, ближе всех располагавшихся к горловине. Вперёд пропускали раненых и медперсонал.

Тяжёлая обстановка не согнула советских воинов, наоборот, она вызвала к жизни их растущее мужество. Высокое мужество и благородные чувства к выполнению своих воинских обязанностей проявила в эти дни медицинская сестра 46-й стрелковой дивизии А.Д. Калинько. В районе Новой Керести, под её присмотром скопилось около 100 человек раненых. Она всем им оказывала медицинскую помощь, ухаживала за ними. А когда образовался проход, смелая девушка вывела их в район Мясного Бора.

Выходившие раненые немедленно попадали в опытные руки врачей и медсестёр эвакуационных пунктов и госпиталей. Приёмом и эвакуацией раненых руководил военврач 3 ранга Н.В. Горшенин, являвшийся начальником штаба объединённого эвакуационного пункта. Несмотря на обстрел и налёты авиации, он организовал чёткую и бесперебойную обработку и эвакуацию раненых в тыл. Самоотверженно работал военврач 2 ранга А.Р. Ратюк, возглавлявший хирургическую группу, производя не терпящие отлагательства операции тут же, в районе Мясного Бора.

Узкий коридор давал надежду на спасение. Стояли сильные туманы, в воздухе висела густая пелена от разрывов. Немцы забрасывали коридор дымовыми минами, чтобы сбить ориентировку и вызвать панику. Многие выходившие из окружения говорили, что шли они в сплошном тумане, ничего не видя кроме разрывов, держась за шинель бегущего впереди.

Вдоль узкоколейки вырвался из окружения личный состав 18-го артполка РКК. Командира полка М.Б. Фридлянда ранило ещё в начале июня, и группу из 40-50 оставшихся в живых артиллеристов возглавил начальник штаба полка майор М.А. Филимонов. Они вышли к берегу Волхова, где располагались тыловые подразделения полка. Рядом с артиллеристами выходили 1-й и 3-й батальоны 3-го гвардейского стрелкового полка 4-й гвардейской стрелковой дивизии. Штаб полка и 2-й батальон пройти в Мясной Бор не успели. [129]

Утром 22 июня противник ворвался в коридор с северного фланга. Бойцы 59-й и 2-й ударной армий выбили немцев встречным ударом. К ве-

черу коридор удалось расширить до 800 м, захватив узкоколейку [135]. Враг пытался пробиться к коридору ещё и на южном фланге, но там его атаки удалось отразить. Главный удар у Южной дороги принял на себя 38-й стрелковый полк 65-й дивизии. В полку насчитывалось около 300 человек, однако через их позиции враг не прошёл. В бою погиб командир полка Н. Канишев и вместо него комдив назначил начальника штаба 60-го стрелкового полка старшего лейтенанта А.С. Топоркова, бывшего учителя из Мордовии.

Полк вёл тяжёлый бой. Едва Топорков прибыл на окраину Мясного Бора, прибежал связной: фашисты потеснили правый фланг полка. Взяв с собой резервный взвод автоматчиков, Топорков бросился к месту прорыва. Быстро оценив обстановку, он принял решение контратаковать. Фашисты, не выдержав смелого удара, несмотря на превосходство в силах, отступили. Долго длился бой. За первой атакой следовала вторая, третья. Несколько раз бойцы сходились с гитлеровцами в рукопашной схватке.

Командир дивизии по радио ободрял Топоркова, требовал, просил во что бы то ни стало продержаться до вечера, когда можно будет подбросить подкрепление и боеприпасы.

- Товарищ ноль первый! Они идут в последнюю атаку. Бой уже у наших блиндажей. Людей совсем мало. Кончаются боеприпасы. Если можно дайте огонь на меня !

- Сынок, знаю что трудно. У меня тоже не густо. Но поддержим огнём «катюш».

Едва Топорков успел отдать команду укрыться, как в воздухе слышался нарастающий шипящий свист. Наши гвардейцы-миномётчики сработали точно. Их мины легли в самую гущу врагов. Гитлеровцев буквально смело с лица земли.

На полотнище полкового знамени появилось после этого боя тридцать восемь пробоин. [131]

В этот день в Мясном Бору за рекой Глушицей командир 834-го артполка 327-й стрелковой дивизии вызвал к себе командира батареи старшего лейтенанта П.П. Дмитриева и начальника связи артдивизиона лейтенанта Н.Б. Ушакова. Дмитриев от истощения еле двигался. Ушаков болел туберкулёзом в открытой форме. Оба в бою большой пользы принести не могли. Им предстояло выполнить особое задание: вынести через коридор

полковое знамя и добраться с ним до резервной батареи полка, которая оставалась за Волховом. Командир хотел сохранить полк, не допустить его расформирования. Дмитриев обернул знамя вокруг тела под гимнастёркой. Шатаясь от слабости, Ушаков и Дмитриев шли медленно переходами по 25-30 метров. Рассказ Дмитриева является единственным подробным свидетельством человека, прошедшего через кошмар Мясного Бора 22 июня, в годовщину начала войны. Рассказ был опубликован в 1989 г. одним из заволжских издательств Воронежа в брошюре, изданной малым тиражом. Она, безусловно, стала библиографической редкостью. Затем этот рассказ был найден Б.И. Гавриловым и процитирован в книге «Долина смерти. Трагедия и подвиг 2-й ударной армии», изданной ИРИ РАН в 1999 г. тиражом всего 200 экземпляров. Уникальность свидетельства Дмитриева, обилие важных деталей дают мне основание привести его здесь, взяв из книги Гаврилова. Тогда читатель лучше представит себе, что такое война и какие подвиги совершали воины 2-й ударной армии.

«Вот сейчас, - рассказал Дмитриев, - никак не могу сообразить, откуда взялись силы... Я почти не мог держаться на ногах от истощения. В ещё худшем состоянии был П.Ушаков. Наверное, только чувство долга прибавляло нам обоим силы для жизни. Движение в полосе 300 метров шириной и протяженностью четыре – пять километров простреливалось огнём противника со всех сторон и было настоящим адом. Преодолевали мы этот небольшой по меркам мирной жизни участок несколько часов. Мы уже не шли, а ползли, прячась от автоматных очередей за каждый кустик, за каждую кочку. По всей этой страшной дороге и около неё стояли сожженные машины, исковерканная техника. В воронках, канавах и прямо на дороге лежали сотни убитых наших воинов. Некоторые из них ещё стонали, как и мы пытались ползти.

Заляпанные болотной грязью, мы сами были под цвет земли. Впереди и сзади нас кто-то полз, кто-то, прячась от очередного взрыва мины, напрягая последние силы, отпрыгивал в сторону, но падал от автоматной очереди. Видимо отдельные вражеские автоматчики прорывались прямо к дороге и расстреливали в упор пытающихся выйти из окружения воинов. Разъярённые как волки в овечьем стаде, фашисты выбирали, кого убить сейчас, а кому дать несколько шагов помучиться... Мы ползли, часто прячась за трупы убитых, а иногда сами лежали рядом с ними, изображая уби-

тых, пока не уйдёт в сторону отдельная коса автоматной очереди. Страх за себя не было – мы уже настолько привыкли за время боёв к смерти, что сама смерть не вызывала у нас естественного человеку чувства страха перед ней. Было только сожаление, что кто-то не дожил до победы... Если бы не зная, не знаю, смогли бы мы выйти или легли бы там же, на дороге, навеки.

От усталости, от крови и смерти сотен людей, от постоянного ожидания..., что эта очередь или этот осколок предназначен тебе, мы закаменели. В сознании работал, видимо, только один центр, который руководил чувством самосохранения...

Мы уже выползли из «Долины смерти» ... Самые мощные взрывы и ливень огня остались позади, а здесь и чуть впереди фашисты стреляли значительно реже. Николай поднялся на ноги и стал помогать подниматься мне. И в этот момент фашистский негодяй прошёл Николая автоматными очередями с головы до ног – крест-накрест. Он упал, и по нему, уже убитому, ещё раз прошлась очередь... От боли утраты я на миг потерял сознание. Потом метался, как в бреду и, возможно, фашисты подумали, что я сошёл с ума, и не стали добивать меня...

Как я выполз из этого ада, не помню. А когда добрался до наших войск, ...упал без сознания и был в таком состоянии доставлен в госпиталь. Позже с боевым знаменем 894-го артиллерийского полка мы били фашистов до самого их смертного часа, отомстив за смерть Николая Ушакова и всех павших в боях бойцов и командиров нашего полка». [132]

К 20 часам 22 июня из окружения вышло около 6 тыс. человек. Вместе с воинами выходило и гражданское население. Трудно описать что творилось в простреливаемом с обеих сторон узком коридоре. Нет аналогов в истории военного смертоубийства тому, через что проходили бессмертные в своём величии и обречённости герои 2-й ударной армии. Начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер отметил в своём «Военном дневнике» 22 июня: «На Волховском участке снова тяжёлые бои. Вражеские танки проникли в коридор. Однако, предположительно, это не поможет противнику установить прямую связь с окружённой группировкой. Я в этом сомневаюсь и полагаю, что противник оттянет свои силы. В котле ощущается голод». [133]

Гальдер ошибся. Командование Волховского фронта изыскивало людей и материальные средства для продолжения борьбы.

С утра 23 июня ударной группе 59-й армии в составе 165-й дивизии, 54-го гвардейского полка 19-й гвардейской стрелковой дивизии и 1-го батальона 38-го полка 65-й стрелковой дивизии 52-й армии удалось несколько расширить коридор до 800 метров. Однако он оставался чрезвычайно узким и простреливался насквозь.

Ударная группа пыталась пробиться с Южной дороги к 1000-му полку 305-й стрелковой дивизии, но в этом направлении продвинуться не смогла.

После образования коридора складывалось впечатление, что противник не в силах будет вновь предпринять диверсию по закрытию коридора, а ограничится лишь огневым воздействием с целью затруднения отвода 2-й ударной армии. Но случилось то, чего не предусмотрело наше командование, но чего надо было больше всего бояться – стихии, неуправляемости, явившейся следствием отсутствия твёрдого руководства со стороны командования 2-й ударной армии. Вместо того, чтобы направить основные усилия на закрепление стенок, образованного коридора, а затем расширить его. Командование армии пустило всё это дело на самотёк. Военный Совет Волховского фронта в своём «Докладе о проведённой операции фронта по выводу 2-й ударной армии из окружения (24.5.42-26.6.42 г.)» отметил: «Части 2-й ударной армии, которые соединились 22.6 с частями 59 армии вместо того, чтобы немедленно застроить стенки образовавшегося коридора и расширить его, тоже стали продвигаться на восток в направлении на Мясной Бор, увлекая за собой и часть передовых подразделений 59 армии. В результате пробитый коридор к востоку от р. Полисть обеспечивался только отдельными танками. Все попытки сколотить части 2-й ударной армии вышедшие 22.6. на Мясной Бор и использовать их для обеспечения коридора – успеха не дали, так как бойцы были изнурены и голодны». [65]

Командованию 2-й ударной армии вносились предложения об организации ими обороны «стенок коридора» сразу после прорыва. Так в «Объяснительной записке о пленении гвардии полковника Слепко Александра Васильевича» (командира 3-го гвардейского стрелкового полка 4-й гвардейской стрелковой дивизии) указывалось: «Утром 22 июня я получил

приказ штаба армии передать в оперативное подчинение ещё один батальон, а самому с одним батальоном оставаться в армейском резерве. К 10 часам утра 3-й батальон, переданный командиру 46-й дивизии полковнику Чёрному, уже перешел в наступление. К вечеру 22 июня прорыв был сделан... Я начал просить у командующего разрешения отправиться к своим с оставшимся со мной батальоном, чтобы прочно закрепить сделанный прорыв, но получил ответ, что там всё обеспечено. «Вы будьте готовы действовать по моему сигналу, - сказал мне командарм».

Так же командир 176-го стрелкового полка 46-й дивизии Соболев просил разрешения 22.6. у командира дивизии вслед за полком выйти со штабом полка из окружения, чтобы на той стороне развернуть полк и организовать оборону флангов прорыва. Разрешения он не получил. [134]

Противник довольно быстро разобрался в обстановке, сложившейся в зоне прорыва, и днём 23 июня немецкое командование организовало новый мощный удар авиации, артиллерии и миномётов. Противник смял редкие заслоны стрелковых частей по обе стороны коридора и захватил укрепления непосредственно на восточном берегу р. Полисть. Выход войск 2-й ударной армии прекратился. Теперь нельзя было и ремонтировать дорогу от Мясного Бора к Полисти, чтобы подбросить по ней бензин для автомашин, ожидавших его на той стороне за Долиной Смерти. Положение усугублялось тем, что западная группировка отошла 22 июня на линию реки Кересть. Следует отметить, что район, в котором сосредоточились дивизии и бригады армии, сократился настолько, что свободно простреливался вражеской артиллерией на всю глубину. Последняя посадочная площадка в Новой Керести перешла в руки немцев. Военный Совет пришел к выводу: оборонять рубеж на Керести нет смысла. Боевые части, прикрывавшие отход, начали смещаться к реке Глушица, чтобы оттуда массированно пробиться к Мясному Бору. Войска отходили на редкость организованно и спокойно, без суеты и паники. Они удерживали части противника на удалении. Противник имел подавляющее превосходство – личный состав всех окружённых частей вместе взятых не превышал в то время 25000 человек. [135] Именно из-за превосходства противника арьергард армии не смог выполнить поставленную задачу в положенном объёме. Однако упорное сопротивление, обеспеченное во многом благодаря умелому руководству командиров частей и соединений, позволило основным силам армии пла-

номерно отойти и сосредоточиться севернее реки Глушица для прорыва окружения. К 22 июня там уже была собрана группировка из 22-й, 25-й, 59-й стрелковых бригад, 46-й стрелковой дивизии и 166-го отдельного танкового батальона. В то же время на рубеже, куда отходили соединения армии, вдоль жердёвки и узкоколейки уже просачивались автоматчики врага.

23 июня немцы пробились за реку Кереть и прорвались вдоль Северной дороги к штабу 2-й ударной на горе у Дровяной Поляны (Дровяное Поле). Положение спасла рота особого отдела (150 чел.) во главе с начальником особого отдела НКВД 2-й ударной армии майором госбезопасности А.Г. Шашковым. Рота отогнала противника и дала возможность штабу отойти на новое место к реке Глушица. При этом были уничтожены средства связи штаба армии.[135]

В тылах наших войск происходила ожесточённая перестрелка с автоматчиками, которые порывали связь и нарушали управление войсками. В связи с этим в тылах наших войск, некоторые части без всякого приказа командующего 2-й ударной армией уничтожали свою технику.

«С началом отхода войск западной группировки 2-й ударной армии с рубежа р. Кереть, с 23.6.42 г. на рубеж р. Глушица, руководивший этой группировкой генерал-майор Алферьев управление соединениями потерял, не было связи так же и у штаба армии с генерал-майором Алферьевым"» [65]

Вечером 23 июня командование 2-й ударной армии попробовало выбить врага, перекрывшего коридор у Мясного Бора, силами 1-го гвардейского батальона 3-го гвардейского стрелкового полка. Батальон почти весь погиб, но приказ выполнить не смог. После гибели батальона в полку осталось небольшое количество красноармейцев и офицеров. По состоянию на 29.6.42 г. из окружения вышли 114 человек этого полка. «Выход из мешка прочно закрыт. Под натиском с севера, запада и юга мешок всё больше сжимается». Записал в «Дневнике» Ф. Гальдер.[136]

Поздно вечером 23 июня все кто мог держать оружие, встали в строй и 2-я ударная пошла ещё раз на прорыв. В 23 часа 30 минут навстречу окруженным с востока бросили два батальона 378-й дивизии, группу бойцов 18-го артполка РГК и около 400 курсантов. Часть курсантов с пулемётами была посажена на танки КВ 29-й танковой бригады. Остальные войска 59-

й армии и кавалеристы Гусева заняли позиции по флангам коридора, не давая противнику сдавить его ещё сильнее. С воздуха атаковали ночные бомбардировщики У-2. 374-я дивизия вместе с отрядом из 165-й дивизии наносила удар в юго-западном направлении в сторону Южной дороги. К утру 24 июня наступающие войска пробиты коридор шириной 800-1000м и начали выходить первые группы бойцов 2-й УА. Танкисты прикрывали его своей бронёй. Фланги коридора оградаила огнем артиллерия 52-й и 59-й армий. Немцы открыли ответный огонь, разгорелась артиллерийская дуэль. В небе появилась вражеская авиация, с неба посыпались бомбы, но коридор начал действовать.

Значительная часть окруженных войск сосредоточилась у Дровяной Поляны в районе штаба армии и узкоколейки. Утром 24 июня сюда подошли от Замошья 57-я бригада и 382-я дивизия. В открывшийся коридор окруженные устремились всей массой. Под натиском врага горловина начала сужаться и постепенно сократилась опять до 300 м. И всё таки люди шли и шли в эту узкую горловину. Шли, предпочитая смерть немецкому плену. Вместе с другими через «Долину смерти» прорвался боец Котов. Он вынес знамя 1267-го полка 382-й дивизии, обернув полотнище вокруг тела. Его сопровождали старший лейтенант Макаров, начальник финансовой части Сахно и 10 красноармейцев. В коридоре в огне и дыму они сбились с пути и вышли прямо на немецкий ДЗОТ. Старший лейтенант Макаров уничтожил гарнизон ДЗОТа гранатой, однако шесть красноармейцев в бою погибли. Знаменосцы проскочили мостик через Полисть. После их прохода в мостик попал снаряд. Следующим группам окруженцев пришлось переходить Полисть уже вброд. Глубина её на Северной дороге в июне составляла 1,2-1,6 м. Выход окруженных продолжался всю первую половину дня. Во второй половине дня 24 июня немцы закрыли коридор и приступили к уничтожению окруженных войск. Комдив И.М. Антюфеев вспоминал: «Войска армии, в том числе и 327-я стрелковая дивизия, зажатые в тиски на небольшом клочке территории у Мясного Бора, подверглись уничтожающему огню из всех видов оружия и со всех сторон, в том числе из шестиствольных миномётов. В течение многих часов территория в районе Мясного Бора представляла огнедышащий кратер. [137]